

Рассказы Петровича

Сергей Волошин

18+

Сергей Волошин
Рассказы Петровича

«Автор»

2026

Волошин С. П.

Рассказы Петровича / С. П. Волошин — «Автор», 2026

Сборник рассказов автора, написанный в 2024-2026 годах, включает в себя как произведения, опубликованные на страницах печатных изданий России и отмеченные на литературных конкурсах, так и новые. Читателя ждут житейские, мистические, военные и детективные истории «Гипноз», «Фестивальная новелла», «Люди и кошки», «Талант», «Забывтое письмо» и другие, в том числе основанные на реальных событиях.

© Волошин С. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аква. net	5
Верующие	19
Гипноз	23
Жребий	37
Забывтое письмо	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рассказы Петровича

Аква. net

Когда в квартиру вода подаётся постоянно, человек начинает считать это абсолютной нормой. Приходит с работы домой, шагает в помещение пахнувшей вчерашним супом кухни, поворачивает ручку водопроводного крана – и вот она, родимая, приятно журчит в сетке раковины и игриво клокочет в пустоте канализационной трубы. На столе вымытая посуда, в туалете чистый унитаз, выстиранное бельё и розовощёкие выкупанные дети. Никакого волшебства – по-другому и быть не может. Любое отклонение от этой нормы запускает в человеке волну возмущения или бессилия.

На пятом этаже дома, в котором проживал Владимир Иванович Зорин, вода не наблюдалась почти три месяца. Владимир Иванович перестал считать дни её отсутствия уже после второй недели ожиданий. Как оказалось, бессмысленное занятие – все телефонные ответы официальных служб закруглялись одним и тем же попугаевым аргументом: «Вы должны понимать ситуацию». Её наглядно объяснял наклеенный на подъездной стене листок четвёртого формата с размытой подписью и отпечатанными крупными буквами:

«01.10.2025, в следствии гидрологической засухи и снижения уровней воды (обмеление) в источнике водоснабжения подачи воды вынуждено прекращена. Возобновление подачи воды будет возможным после подбора уровней в резервуарах».

Кто повесил этот листок, жильцы подъезда не знали, но по каноничной чиновничьей ошибке в управлении сочетанием «в следствии» догадывались, и понимали, что в этот раз отсутствие воды – это всерьёз и надолго. Она ведь и раньше подавалась один раз в четыре дня, да и то по паре часов. А тут – гидрологическая засуха, не наблюдавшаяся несколько десятилетий. Родники иссохли ещё летом. В квартирах опустели ванны, давно служившие жильцам водорезервуарами, начали источать зловоние потемневшие чаши унитазов, в магазинах исчезли с прилавков пластиковые бутылки с питьевой водой.

По шахтёрскому посёлку поехали новоиспеченные коробейники, продававшие привозную воду по полторы тысячи рублей за тонну. В зелёных лесонасаждениях появились стихийные туалеты с неглубокими выгребными ямами и без оных, куда протоптали тропинки жители близлежащих домов – мужчины отдельно, женщины отдельно. По посёлку пошли слухи, что появились первые жертвы обезвоживания, и кто-то даже лично видел высохшую, как осенний лист в тёплую погоду, несчастную старушку, но местная администрация настойчиво опровергала панические сообщения, убеждая население, что всё под контролем и вода в домах скоро появится.

Подозревая чиновников во лжи, местные умельцы начали делать тайные врезки в подвалах, куда изредка вода добиралась самотёком. Другие, получив разрешение в высоких кабинетах, сбросились рублём и пробурили под окнами своих многоэтажек скважины глубиной в полсотни метров. В подъезде, где жил Владимир Иванович, единодушия в этом вопросе не наблюдалось. Многие жильцы бросили жилища ещё в первые дни войны, собрали вещи и укатили куда подальше, поэтому на все пять этажей обитаемыми были только пять квартир. Каждый добывал воду для жизни самостоятельно. Владимир Иванович покупал её у работников расположенной неподалёку автомойки. Хозяева уверяли, что вода питьевая, с гордостью показывая Зорину, какие досконально чистые машины выезжают из их заведения. Зорин вздыхал, про себя матерился, но вслух высказаться опасался, а то чего доброго хозяева «прикроют лавочку», и тогда хоть в гроб ложись.

В гроб Владимир Иванович собирался уже несколько раз. В свои шестьдесят пять лет он дважды перенёс инфаркт миокарда, операцию на коронарных сосудах и со слов врачей точно

знал, что следующий приступ станет последним. Каждый раз, затягивая старыми ремнями донимающую вентральную грыжу и таща на пятый этаж ведро с водой, Зорин прислушивался к рваному ритму своего мотора – не подведёт ли. Но Бог миловал старика, хотя тот и был убеждённым атеистом.

Накануне Нового года Зорин посмотрел телевизионную рекламу и позвонил на горячую линию главы страны. Звонок приняли, но вопрос в эфире не прозвучал. Говорили о водной проблеме в Донецке, а о страдающем посёлке, да и близлежащих населённых пунктах - ни слова, как будто их и нет в природе.

- Как так? – беззлобно возмущался Зорин, разговаривая с продавщицами местного продуктового магазина. – У меня бывшие коллеги в Донецке живут, говорят, что хотя бы раз в три дня, но воду качают. А тут три месяца – ни капли. Эх, цветы Любанины жалко, завяли все. Может, надо кому?

Любаню, покойную жену Владимира Ивановича, старые жители посёлка знали хорошо. До того, как скорострительно уйти в мир иной, она работала начальником местного жилкомхоза – тогда в квартирах и вода была, и тепло централизованное. Четверть века назад остался Зорин с десятилетним сыном Ванькой на руках. Охочие до мужской ласки холостячки одна за другой завертели в поле зрения Зорина, тогдашнего главного инженера шахты, обладателя четырёхкомнатной благоустроенной квартиры, да и красавца знатного – высоколобного брюнета с голубыми глазами. Но всё безуспешно. Любил Владимир Иванович свою Любаню, а как ушла она, то все свои до конца нерастроченные чувства вдохнул в сына. И цветы супруги берёт, как драгоценность.

- Не-е, Владимир Иванович, цветов ваших нам не надо, свои выбрасывать впору, - отвечали задумчивые продавщицы. – А про горячую линию вы сильно не переживайте, вам беспокоиться вредно. Люди говорят, что все обращения никуда не пропадают, а передаются на места. Ну, в смысле тутошним коммунальным деятелям. Вот пусть и почитают про наши страдания, может, пошевелятся. Нас-то куда подальше посылать они научились хорошо, а президента не пошлёт.

- Да знаю я... - глубоко вздохнул Зорин, вспоминая свои начальственные годы с их приписками и отписками. – И проблему в целом понимаю, я о ней говорил ещё тогда, когда шахту закрывали и водоотлив отключали. Криком орал на собрании, что будет экологическая катастрофа, безводие тотальное наступит. Это же и шахматному коню из дубового дерева понятно. И что? Кто-то послушал? Затопили шахты и - концы в воду. Результат налицо. А тут новый год на носу, а мы как пигмеи немые и нестиранные, кружку лишней раз ополоснуть боишься. Когда такое было, что идёшь в гости и вместо торта несёшь бутылку воды, чтоб чайком из неё тебя же и напоили?

- Вам бы, Владимир Иванович, в политику надо, без вас там не справятся, - подбадривали продавщицы.

- Если у человека есть способности к политической работе, то обязательно будет и импульс к её реализации, - нехотя отмахивался Зорин. – А мне интереснее уголь из недр извлекать, чем заседать на всяких партсобраниях. Способные люди – те делают, а неспособные, как правило, рапортуют о великих достижениях.

- А так хорошо говорите, прям как настоящий, этот самый, трибун, - смеялись продавщицы, внутренне сожалея, что не у дел остался такой опытный руководитель, каких и в городе не сыскать. А пенсионный возраст – так депутаты и постарше есть.

- Тоже ещё скажете, - растянув на лице мозаику мелких морщин, улыбался польщённый Зорин. – Ну, с наступающим вас, девушки.

*

Тридцать первого декабря, когда главный герой киноленты «Ирония судьбы» обычно ходил в баню, люди в посёлке ждали воду. Думали, хоть в праздник порадуят людей комму-

нальщики. Но те, героически отключив все служебные телефоны, готовились к праздничному застолью. Ближе к вечеру в квартиру Владимира Ивановича зашла несостоявшаяся невестка Маша. Жила она с шестилетним сыном Артёмом по соседству, на одной площадке, в оставленной покойными родителями тесной однушке.

- Владимир Иванович, не знаю даже, как вас и просить... - опустил лицо, словно школьная второгодница, невнятно пролепетала Маша.

- Чего просить-то надумала? – менторски приосанился в кресле Зорин.

- С Артёмом побыть...

- Это как надо понимать? Новый год, значит, с ним встретить?

- Ага...

- А ты куда собралась?

- Ой, язык не поворачивается правду сказать...

- А ты попробуй солгать как-нибудь так, чтобы я о правде сам догадался, - хитро прищурился Зорин.

- Вы же взрослый человек... - тускло отвернулась Маша в затуманенное сумерками окно.

- Ну, можно сказать, что я тебя понял, - недовольно проскрипел Зорин. – И кто он?

- А вы догадливый, - бодро встрепенулась Маша.

- Давно живу, по глазам научился читать людей, а они у тебя уж очень предательски блестят.

- Ну, почему предательски? Это же жизнь, Владимир Иванович, - нахмурилась Маша, мигая помокревшими ресницами. - Да, было дело, обещала я вашему Ване любить его до конца жизни. Но Вани уже два года нет, а жизнь-то продолжается. Мне ведь всего тридцать один... Вы должны понять...

- Да, мы, люди, так устроены, легко даем обещания и присягаем на верность вчера еще неведомым людям, тем самым скрывая пренебрежение к будущему, которое, как нам иногда кажется, никогда не наступит, - задумчиво произнёс Зорин.

*

Его сын Иван влюбился в Машу ещё в школьные годы. Он был старше её на пять лет, и однажды в шутку сказал, что обязательно дождётся, когда Маша подрастёт. Тогда и свадьбу сыграют. Но Маша не привечала ухаживания соседского мальчика, так как считала, что слишком взрослый он для неё. Поэтому сразу после выпускного вечера уехала учиться на библиотекаря в областной центр.

После того Машу словно сглазили. Кудрявая, пышногрудая, длинноногая, умная и образованная – не невеста, а модель для подиума. А с парнями не везло. Обходили они её стороной и предпочитали крутить романы с куда более незаметными девушками. Как говорят, любить надо королеву, а жить с золушкой.

Так прошло несколько лет учёбы, работы и бесплодного ожидания жениха. Однажды Маша даже в церковь пошла, попросила Бога, чтобы послал хоть бы какого-нибудь молодого человека. Бог услышал и послал прикомандированного штукатура откуда-то из вологодских лесов, который сделал Маше ребёнка и уехал к своей жене и двум детям.

Родив Артёма, Маша вернулась домой в опустевшую родительскую квартиру. Пошла работать в библиотеку при поселковом клубе, где коллега, бывшая одноклассница и главная сплетница посёлка Светка Косова, выслушав мрачную Машину историю, посоветовала пойти к знакомой гадалке. И Маша пошла. Гадалка бросила на стол карты и назвала имя будущего мужа - Иван.

А Иван Владимирович Зотов уже давно ждал Машу, оказался однолюбом. Принял её с ребёнком. Жили на две квартиры – то в хоромах отца, то в тесноте Машиной однушки. Владимир Иванович одобрял выбор сына, Маша однозначно ему нравилась. Привык и к Артёму, который называл старика дедой Вовой и любил, пожалуй, не меньше мамы.

После того, как в посёлке затопили шахту, перед Иваном стал вопрос трудоустройства. Можно было поехать на заработки в русскую столицу, куда отправилась, наверное, уже половина мужского населения. В свою очередь товарищ по школьной парте звал на работу в собственный магазин автозапчастей. А на электронный ящик пришло сообщение с призывом заключить контракт с министерством обороны. Иван выбрал последний вариант, ибо был патриотом. Ещё в четырнадцатом году порывался он в ряды ополчения, но тогда шахтёрское начальство отговорило – убедило, что угольный фронт для республики не менее важен.

Как Маша ни отговаривала Ивана не ходить на войну, он не послушал. «Все мужики воюют, а я что, хуже?», - отвечал уверенно, без робости и малейших сомнений в правильности своего выбора. За два года в боях протопал от Попасной до Часова Яра, по географическим меркам немного, а по жизненным тратам – безмерно. Вместе с Иваном контракт подписали ещё четыре парня из посёлка. Живым вернулся лишь Иван. Первые дни после возвращения пил, спал, молчал и отъедался. И каждый день ездил на городское кладбище, где присев между развешивающимися на ветру флагами, поминал боевых товарищей горькой.

- Не печалься, отогреется он, - обещал Маше Владимир Иванович, видя, скольких нервных клеток стоило ей

угрюмое настроение и пьянство сына.

- Да хоть бы раз поведал нам, о чём он думает, какие планы строит. Всё в себе думы носит и как воды в рот набрал, - причитала Маша.

Но однажды Иван прервал непонятное окружению молчание.

- Вы не обижайтесь на меня, - сказал он, поочерёдно глядя в глаза то Маше, то отцу. – Я не знаю, моей ошибкой или Божьим промыслом был этот контракт, но сейчас я чересчур хорошо понимаю, что это был билет в один конец. Да-да, я не оговорился, выбраться из ежесекундного ожидания смерти, из грязи, холода, луж крови и куч переломленных костей, из реальности, которая жаждет тебя уничтожить, уже не получится никогда.

- Что ты такое говоришь? – всплеснув руками, охнула Маша.

- Не перебивай меня! – прикрикнул Иван, бросив на неё холодный, как у мертвяка, пустой взгляд. – Никакой надежды... Телом вернулся, а умом там... Хожу по мирному посёлку, а глаза видят разбитые дома, перепаханные разрывами дороги, раскиданные трупы, сгоревшие лесополки... И не вырваться оттуда. Все вокруг говорят о чём-то, покупают что-то, умничают, о каких-то мелочах спорят... До рвоты противно... Ни они тебя не понимают, ни ты их... И ощущение, что все тебя презирают вокруг. Все! Может, за то, что выжил. Может, за то, что дал возможность выжить им. Может, за кровь на моих руках или за то, что не забил осиновый кол в сердце врага... А , может, за то, что товарищей не сумел спасти... Хожу на кладбище, как волхв языческий, всё надеюсь воскресить их. А братишки лежат и молчат... Им уже хорошо, не то, что мне... Идти некуда... Бежать некуда... Да и не убежишь от себя... Простите меня, но попробуйте понять. Только, пожалуйста, сразу не говорите: «Я понимаю!». Не говорите! Лучше молчите... И не забывайте... А главное – живите!

С этими словами Иван вышел из отцовской квартиры, и, по пути купив в магазине бутылку водки, уехал на кладбище. Там, между могилек друзей, его на следующий день и нашли, бездыханного.

*

- Вы меня, наверное, осуждаете?- опасаясь взглянуть в глаза Владимира Ивановича, спросила Маша.

Зотов игриво нахмурился.

- А чего осуждать-то, вы ведь даже не расписаны были... - ответил он. – Жизнь - не магнитофон, а мясорубка, назад не перекутишь. Так кто он, избранник твой, хоть скажешь?

- Ну, как... - замялась Маша, - из города он. С родителями хочет познакомиться, к себе пригласил. Мы уже месяц встречаемся вообще-то. Представляете, а сегодня утром приезжает, весь такой надухарённый, с золотым кольцом, и предлагает провести новогоднюю ночь вместе.

- Раньше сватов засылали, а теперь вот так всё – невесту к себе на смотрины?

- А к кому сватов-то засылать? У меня уже и родителей нет.

- Ну, да...

- Да вы мне как отец, Владимир Иванович, вы не думайте, - светло улыбнулась Маша. - Но тут такой случай... Предложение будет делать, прям в новогоднюю ночь. Представляете? А я ведь и замужем никогда не была...

- Так, значит, в городе теперь жить будешь? – сдвинул брови Зотов.

- Не знаю. Мы вообще этот вопрос не обсуждали. Но не в моей же однушке. Тесно в ней. А я ещё дочку хочу. Дашку. Чтоб у Артёмки сестричка была и своя отдельная комната...

Владимир Иванович тяжело приподнялся из кресла, прошёл к лакированному серванту и, достав из него конверт, протянул Маше.

- Тут тебе на подарок, сама купишь, - сказал он.

- Ой, Владимир Иванович, ну зачем вы? Неудобно так, а я с пустыми руками, ещё и Артёма вам на шею... - нарочито простила Маша, зная, что одним конвертом с деньгами новогодние подарки от несостоявшегося свёкра не ограничатся.

- Некрасиво одеваешься, Маша, - густо покряхтывая, вдруг бросил Зотов. - Что это за балахон на тебе? Что за штаны? У меня работяги в мехцехе – и то лучше носили.

- Мода сейчас такая, – опешила Маша.

- Мо-да... Раньше такой тоненькой, изящной была, загляденье одно. Сам бы женился, был бы помоложе. А это напялила на себя не пойми что... Мода, она меняется, а мозгам за ней бежать не следует, мозги на месте обязаны оставаться. Индивидуальность нужна, Маша. Подчёркнутость, - то ли в шутку, то ли всерьёз пробормотал Зотов.

- Ладно, учту ваше пожелание, - тепло засмеялась Маша. – Так что? Вы меня отпускаете? Я там, в холодильнике, всё приготовила, как обычно.

- Отпускаю. Только какое-то нехорошее предчувствие у меня. Прямо никогда такого не было. Что-то давит внутри, ломает. Но ты езжай, дело-то важное – жениховское предложение в новогоднюю ночь. Совет, как гриццо, да любовь! Главное, меня на свадьбу пригласи, - Зорин сделал длинную паузу, словно что-то пытался вспомнить. – Ну, всё, ступай. Как соберёшься, приводи Артёма.

*

- Деда Вова, а ты веришь в чудеса? – в отсутствии материнского контроля уплетая конфеты, спросил Артём – кудрявый, рыжеволосый крепыш с морщинкой на переносице – видать, в папашку.

- Смотря какие, - почесав седую шевелюру, многозначительно ответил Владимир Иванович. – Чудеса – они ведь разные бывают.

- Ну, например, в Деда Мороза веришь? – не унимался Артём.

- Раньше верил, когда такой, как ты, был.

- А потом?

- Потом стал прагматиком. Для меня чудо, например, если нам сегодня воду качнут.

- Праг-ма-те-матиком? А это как, деда Вова?

- Это Артёмка когда ты не надеешься на чудо, а делаешь всё сам и контролируешь любую ситуацию.

- Не понятно, - задумался Артём. - Так если ты этот праг-математик, и делаешь всё сам, то и чудеса с водой ждать не надо, надо делать самому...

- А ты определённо прав. Сейчас позвоню этим архаровцам, может, хоть сегодня расщедрятся, дадут нам водичку в честь праздничка, - Владимир Иванович раскрыл лежащий на столе

старенький блокнот и набрал коряво записанный в нём номер управления водо- канализационного хозяйства.

На удивление, на звонок Зотова ответили.

- С новым годом, товарищи! - поперхнувшись от неожиданности, крикнул в трубку Зотов.- Ребятюшки, ну, что там у вас с водичкой? Хоть сегодня порадуете нас? Три месяца...

- Чего тебе надобно, старче?— прорычал в трубке грубый и, показалось, нетрезвый мужской голос. – Не знаешь положения с водой? А если знаешь, то какого беса звонишь сюда, придурок? Увянь уже, пока тебя не послали куда подальше!

Звонок прервался. Что-то больно кольнуло в груди Зотова – не ожидал он такой обидной и резкой отповеди, да ещё от работника уполномоченной конторы.

- Ах, ты ж, засранец! – прохрипел он, прикладывая к груди руку. – Ах, ты, сволочь!

- Ты на кого так, деда Вова? – испуганно спросил Артём.

- Да на этих... что воду должны нам подавать...

- Не дадут?

- Не дадут, Артёмка... Напились уже...

- Значит, не будет сегодня чуда? - грустно проговорил Артём. - И моё желание тоже вряд ли сбудется... Как обычно, положит Дед Мороз под ёлку какую-нибудь игрушку, а это совсем не то, что мне нужно. А я хочу свою отдельную комнату со своей кроватью. Мама скоро женится, будут спать в комнате, а мне опять на кухне...

- ...Вот же гадёныш... - не слыша слов мальчика, по-прежнему не унимался Зотов.

- Кто гадёныш? – насупился Артём.

- Да этот же, кто мне по телефону ответил, - продолжая тяжело дышать, пояснил Зотов.

- А я думал, что это ты мне... Деда Вова, а знаешь, что я ещё хочу? – заговорщицки спросил Артём.

- Что? – возвращаясь в реальность, спросил Владимир Иванович.

- Твоим ружьём поиграть... Можно?

По молодости лет увлекался Зотов охотой. С той поры хранил в железном сейфе за сервантом древнее охотничье ружьишко ТОЗ-БМ с удобным ореховым прикладом. На охоту Владимир Иванович не ходил, как война началась, так охоту и запретили, но ружьишко своё иногда доставал и любовался им, словно произведением искусства, с неподдельной тоской вспоминая о мирных временах.

- Ружьё, Артёмка, конечно, не игрушка, это ты себе на всю жизнь заруби на носу, но в честь праздника в руках подержать можно, - Зотов бережно достал оружие из сейфа, проверил на всякий случай, не заражено ли, и торжественно протянул мальчишке.

- У-у-ух, како-ое, - восторженно прошептал Артём.

В этот момент зазвонил телефон. Только не Зотовский, а Машин. Уехала она с женихом в город, а трубку забыла на журнальном столе.

- Вот, Маша-растеряша...- недовольно пыхнул Зотов.- Валера какой-то звонит. Что за Валера? Это её жених?

- Ага, его дядя Валера зовут, - подтвердил Артём, не отрывая взгляда от оружия.

В трубке раздался голос Маши:

- Владимир Иванович, ну, простите дуру, голова совсем дырявая, забыла у вас телефон, ещё и в новогоднюю ночь... Вы его в мою квартиру отнесите, пусть кому надо звонят, я утром всех по списку переберу и поздравлю. Если что, это моего Валеры номер, набирайте. Хорошо?

- Хорошо, - ухмыльнулся Зорин и, отключив телефон, повернулся к Артёму. – Валера, значит? Что ж ты мне не рассказал про этого Валеру?

- А что рассказывать, деда Вова? – серьёзно пожал плечами Артём. – Он у нас два раза был. Я не успел рассказать.

- И как он тебе?

- Не знаю. Так себе.

- А маме?

- Маме нравится. Они когда спали, я из кухни слышал, что мама сказала, что у него большой и твёрдый... Ещё зайцем называла, как и меня.

- Кто большой и твёрдый? – смутился Зорин, приподняв правой рукой очки.

- Не знаю. Может, живот?

- Ну, да. Может. Или лоб большой и твёрдый.

- Ага. Я хотел спросить, но не успел.

- Чудак ты, Артёмка, - широко улыбнулся Зорин. - А вообще знаешь, надо бы тебе подремать, отдохнуть перед встречей нового года. Сейчас я отведу тебя в вашу с мамой квартиру, ты поспишь, а в двенадцать ночи я тебя разбуду, и продолжим новогоднюю ночь. Договорились?

- А ты со мной посидишь? – послушно поднявшись с кресла, спросил Артём.

- Не-ет, зачем мне с тобой сидеть? Ты ведь уже большой. Я пока за снегом схожу, а то в ванной уже воды на самом доньшке осталось, - ответил Зорин, раздумывая, как бы ему незаметно положить в Машинной квартире приготовленные ей и сыну подарки.

- А я боюсь спать сам, - запротестовал Артём.

- Кого это ты боишься?

- Террористов. Я смотрел по телевизору, как террористы захватили людей в квартире.

- И чего террористам надо было? Какие требования выдвигали? – строго нахмутив брови, усмехнулся старик.

- Я забыл. Но мне было страшно, - тихо признался мальчик.

- Страшно, говоришь? А давай мы в твоей квартире включим вашу с мамой гирлянду на гардине, а ружьё на подоконник поставим. Террористы увидят его с улицы, решат, что мы вооружены и очень опасны, испугаются и дадут дёру, - шутливо предложил Владимир Иванович.

- Давай, - бодро согласился Артём, воодушевленный самой мыслью спать в одной комнате с настоящим оружием – вот будет, чего маме рассказать.

Ружьё заняло своё место на подоконнике, мальчик – на диване зала, мамин телефон на стуле в изголовье, а Зорин присев в кресло у невысокой пластмассовой ёлки, незаметно положил под её нижними ветками приготовленные сюрпризы, а потом тихо вернулся в свою квартиру.

Через минуту раздался звонок. Ещё не успевший уснуть мальчик, взял мамин телефон, хрипло и невнятно ответил.

- А что у тебя с голосом, Артём? – спросил незнакомый голос в трубке – это была какая-то мамина подруга.

- Ничего.

- Да нет, что-то не так, по-моему.

- Всё так.

- А где мама?

Уже разомлевшему под одеялом Артёму совсем не хотелось рассказывать незнакомой женщине, что мама оставила его в новогоднюю ночь и уехала со своим мужчиной праздновать в город.

- Мама рядом, - сказал мальчик.

- Ну, дай ей трубочку.

- Не могу. Она не может говорить.

- Что случилось? Она болеет?

- Нет, - сонный Артём лихорадочно перебирал в голове варианты причин, по которым родительница не может ответить подруге.

- Нас захватил террорист. С ружьём. Он не разрешает маме говорить по телефону, - решил разыграть женщину Артём, говоря при этом тихо, словно опасаясь, что кто-то услышит.

- О, господи... Кошмар какой... А что ему нужно от вас? – взволнованно закричал голос в трубке.

У Артёма снова возникли затруднения с правдоподобными вариантами ответа. Пришлось говорить то, что первым вспомнилось.

- Террорист требует, чтоб в наш дом... подали воду...

- Вот так даже? Вам помощь нужна?

- Террорист сказал, чтобы я выключил телефон, иначе стрелять будет, - сухо ответил Артём и во избежание лишних вопросов, отвечать на которые ему было бы совершенно затруднительно, отключил питание аппарата.

*

Минут через пять мальчишка уже спал крепким сном, а заместитель начальника районного отдела полиции Геннадий Сергеевич Апатов вместе с дежурными операми мчался на место чрезвычайного происшествия. Наручные часы Апатова показывали девять вечера, в это время его начальник по фамилии Брыль категорически запретил его беспокоить.

«Хоть небо на землю упадёт, а решай все вопросы сам», - приказал Брыль.

Вообще он был человеком публичным, любил покрасоваться перед министерским начальством, перед журналистами, да и сотрудникам никогда не давал расслабления. Говорил, что всегда и везде начальник полиции должен быть на лихом буденовском коне впереди строя. Даже если Брыль был в отпуске, подчинённые обязывались в своих отчётах, сводках и публичных контактах упоминать про чуткую руководящую руку, мудрость и дальновидность начальника. В райотделе шутили, что Брыль хочет быть невестой на всех свадьбах и покойником на всех похоронах.

В предпоследний день года у жены Брыля непредвиденно заболела проживающая на Кубани пожилая мать. И пришлось супруге спешно собирать причиндалы и мчаться спасать старушку. Оставшийся без женского присмотра начальник полиции определился встретить новый год со своей недавней возлюбленной - молодой и одинокой секретаршей из приёмной местного прокурора. Никто в райотделе не знал об этой связи Брыля, кроме Апатова, которому в среде коллег пришлось поддерживать официальную версию, что командир тоже уехал на Кубань.

«Может, чекистам позвонить? – думал Геннадий Сергеевич, садясь в дежурную машину. – Мужик вооружённый... Заложники, мать и ребёнок... Воду требует... Чёрт знает что! Пожалуй, нет, чекистов мы пока беспокоить не будем, иначе будут вопросы, куда подевался Брыль. Вот же седина в бороду, бес в ребро! И зачем Брылю только понадобилась эта бестолковая порочная связь, при имеющейся красавице и умнице жене, без внимания которой шага сделать не может? Ладно, придётся пытаться как-то разруливать ситуацию самому».

По пути Апатову в телефонном режиме доложили о проведённой работе оперативные дежурные. Они отыскали руководителя жилищно-эксплуатационной конторы, обслуживающей дом Маши и Зорина. Уведомили также о происшествии исполняющего обязанности начальника водоканала Юрия Петровича Гагина, который на требование полиции прислать в посёлок представителя организации, вызвался приехать сам. Потому что прислать было попросту некого. Все подчинённые уже давно вместе со своими семьями веселились за праздничными столами, а одинокий Гагин со своей врождённой гиперответственностью не умел переложить её на плечи другого. Можно сказать, что он был единственным компетентным лицом, и этим положением очень расстраивался.

Ведь не о чугунных задвижках, пластиковых трубах, технических условиях и надоедливых абонентах мечтал Гагин с детства. В его воображении он видел себя пасечником и садоводом. С детства мечтал иметь свою пасеку, пчёл побольше, роскошную дачу с садом, бассей-

ном, перепёлками и насаждениями клубники и крыжовника. В конце концов, пару ульев Гагин купил. Обзавёлся и небольшим участком за городом. Но бывал на нём пару раз в год. Работа не отпускала. Поэтому ульи пустовали, а участок зарос бурьяном.

Сколько раз Гагин ехал на работу и ловил себя на мысли, что сегодняшний день в его водоканальной биографии будет последним. Что зайдёт он в приёмную, махнёт на всё рукой и гордо скажет делопроизводителю: «Ну, вот и всё, оформляй заявление и отправляй начальству, увольняюсь!». Но срочные производственные вводные, суэта и всё та же ответственность за взятые на себя обязательства каждый раз откладывали это судьбоносное для Гагина решение.

Небритый начальник ЖЭКа по фамилии Полозков встречал Апатова и Гагина у подъезда дома.

- Вон, эта тридцать седьмая квартира, на пятом этаже, - показал он пальцем на окна со сверкающей электрической гирляндой. – Вот же чертяка, бухнуть нормально не дал!

- Не до бухла сейчас, - проворчал Апатов. – Узнали, кто он, откуда, чего себе надумал?

- Да как узнать-то? Он ведь в квартире небось сидит, не выходит и не представлялся.

Будете штурмовать? – ехидно скривился Полозков.

- А вы видите здесь штурмовую группу? – строго переспросил Апатов, сдвинув брови. – Давайте для начала узнаем, с кем мы имеем дело.

*

Наносив полную ванну снега, потому слегка выстудив своё жилище, Владимир Иванович вернулся в квартиру Маши. Артём крепко спал. Зорин отвёл в сторону гардину и посмотрел в окно. В соседних пятиэтажках народ праздновал, задорно сигнализируя заснеженной улице огнями ламп и гирлянд. Через пару часов молодые люди выйдут из подъездов и начнут стрелять в звёздное небо петардами. Всё как обычно, как и в прошлом году, лишь боль в груди почему-то становилась невыносимой.

Убрав ружьё, Зорин присел на подоконник и облокотился на откос. Внизу толпились какие-то незнакомые люди, то и дело посматривая наверх в его сторону. Странно, что может их привлекать здесь? Зорин выдернул из розетки вилку гирлянды, мысленно поругав себя, что не сделал этого раньше. Но стоящих внизу мужчин, похоже, привлекали совсем не переливы разноцветных лампочек.

«Может, к кому в гости приехали, к кому, любопытно?», - подумал Зорин, через несколько мгновений, впрочем, потеряв интерес к происходящему во дворе.

Владимир Иванович снова вспомнил о звонке диспетчерам водоканала. Хамский тон сотрудника всё-таки зацепил какую-то струну в сознании Зорина, слегка расстроив её. Зорин вернулся в своё опустевшее жилище и позвонил дежурному районной администрации.

- С наступающим новым годом вас, товарищи! – сказал он безжизненно тихо и сразу представился, назвав фамилию и адрес. – Знаю наперёд, что вы мне ответите по проблеме подачи воды. Но я по немного другому вопросу. До каких пор в водоканале будут работать пьяные хамы? Вы, конечно, повлиять на их воспитание не в компетенции, но сигнал мой примите и передайте по инстанции, пожалуйста. Пусть разберутся с подонком, работавшим вечером тридцать первого декабря. А то недолг час разнесут люди эту контору, и будут по-своему правы. Я лично в этом с удовольствием приму участие.

- Вас поняли. Передадим, - пообещал сладкий голос в телефонной трубке.

Сигнал действительно передали по инстанции - в дежурную часть полиции, сообщив, что Зорин Владимир Иванович, проживающий в таком-то доме и такой-то квартире, угрожает разнести здание горводоканала. Перевозбуждённый происходящими событиями сотрудник дежурной части полиции быстро смекнул, что держащий заложников террорист и Зорин – это одно и то же лицо, и перезвонил Апатову.

*

- Ну, вот, теперь, кажется, мы понимаем, с кем имеем дело. Ну-ка соберите мне всю информацию об этом Зорине, зарегистрировано ли оружие, судим ли ранее, привлекался ли, и по каким статьям? – распорядился Апатов.

- Объект взял ружьё, посмотрел вниз, выключил гирлянду, переместился вглубь квартиры, товарищ командир! – доложил обстановку наблюдающий за окнами квартиры Маши оперуполномоченный.

- Так не мелькайте у него перед глазами, вы бы ещё строем ходить перед подъездом начали! – крикнул Апатов. – Юрий Петрович, - обратился он к Гагину, - ну, так что, есть возможность качнуть воду? Ну, в самом деле, не устраивать же нам в новогоднюю ночь штурм квартиры, как предлагает вот этот, – замначальника полиции кивнул на изрядно захмелевшего коммунальщика Полозкова, предлагающего прохожим проводить старый год рюмочкой коньяка.

- Качнуть, конечно, можно, но очень проблематично. Новый год. Мои люди не поймут... - развёл руками Гагин.

- А вы попробуйте, - убедительно прищурился Апатов.

- ...И начальство моё тоже не поймёт. Знаете что, а пусть ваш Брыль позвонит моему руководителю. Я знаю, что они в хороших отношениях, вместе по баням ездили, - предложил Гагин.

- Брыль на Кубань уехал с женой ... - хмуро отрезал Апатов.

- С чего вы взяли? – изумлённо спросил Гагин. – Когда ваши мне звонили, я как раз в кафе ужинал. Ну, у меня же ни мамы, ни жены, ни сестры, иногда балуюсь ресторанной кухней, имею такую слабость. А за соседним столиком Брыль сидел с секретаршей прокурора. В городе он, Геннадий Сергеевич, своими глазами видел.

Апатов смутился, но не подал виду, что озвученная информация для него не стала открытием. Может, действительно перезвонить Брылю? Кто его знает, куда кривая выведет с этим террористом Зориным, лучше всё-таки будет поставить начальника в курс дела. А там пусть сам решает, как ему быть – куражиться с любовницей или выполнять служебный долг...

Услышав о заложниках и необходимости перезвонить начальнику Гагина по поводу пуска воды, Брыль пришёл в негодование.

- Гена, твою мать, и вы там уже целый час топчетесь, не уведомив меня!?

- Ну, вы же сами сказали не беспокоить... - вспыхнул Апатов.

- Да мало ли что я сказал, Гена! Голова должна быть на плечах! Гагину передай, чтоб был на месте, от его оперативности сейчас может жизнь и здоровье людей зависеть. Выезжаю.

*

Танцую по скользкой укатанной автомобилями дороге, к сотрудникам полиции подошла женщина лет тридцати - без шапки, с короткой стрижкой, в короткой блестящей куртке и джинсах.

- Ну, что? – обратилась она к Апатову. – Взяли его?

- Кого, его? – отшатнулся Апатов. – И вы, собственно, кто будете?

- Как кто? Я Елена Рубина, мы с Машей работаем вместе. Это я в полицию звонила...

- А-а, вот оно что. Нет, пока никого не взяли.

- А они там, в квартире? Ну, в смысле Артём с Машей? Машин телефон перестал отвечать. Наверное, этот гад выключил и не даёт им звонить.

- Девушка, мы туда ещё не заходили. Преступник вооружён. Прежде, чем идти с ним на переговоры, надо попытаться выполнить его требования. Я бы вам посоветовал не поднимать шум и не привлекать лишнего внимания окружающих.

- Может, он их уже убил!

- Елена, как вас там? Рубина, прекратите паниковать.

- Так вы просто стоите и ничего не делаете, а там люди под дулом сидят. В новогоднюю ночь...

Апатов нервно отвернулся и отошёл в сторону. В этот момент из-за угла дома появилась машина Брыля.

- Ну, что тут у вас? Докладывайте! – высказывая из салона и на ходу надевая на лысую голову широкополую фетровую шляпу, спросил Брыль.

- Ждём воду. С объектом в переговоры пока не вступаем, - коротко ответил Апатов.

- Команда по воде пошла, обещали в течение часа подать, - слегка расслабившись, сказал Брыль.

- Будем ждать?

- А есть другие варианты? Ну, сходи, поговори с ним через замочную скважину, может, мальчишку отпустит... Что за тип, узнали?

- Зорин Владимир Иванович, пенсионер, не судим, оружие в базе числится. Живёт в соседней квартире. Пока всё.

- Сосед, получается? Совсем у мужика крышу сорвало. А ведь этого, Гена, стоило ожидать. Как людям-то без воды? Вот и воюют за свои права, кто как может.

- Да какие тут права? Пацана с матерью в заложники взять... Урод... За такое, извините...

- Ну, это уже пусть суд разберётся, что этому уроду за такое будет. Наша задача спасти людей и задержать преступника. С минимальными потерями и издержками.

- Как вы, начальник? Любимая отпустила? – сменил тему разговора уже слегка озябший на морозе Апатов.

- Ты о чём, Ген?

- Ну, о Евгении Александровне, секретарше прокурорской.

- А-а, об этой? – съёжился Брыль, надув плотные щёки. - Любимая у меня, Гена, только жена. Это так – случайный роман. Да и не роман даже, а химическая реакция. Думал, что в сорок пять уже на такие подвиги не тянет. А играет кровь, зараза, и ничего с этим не поделаешь. Полигамия, Ген! Тебе хорошо, ты ещё до моего возраста не дожил. Сколько тебе, тридцать пять?

- В наступающем году стукнет...

- Хороший возраст. И жениться тебе надо. И вот этому, Гагину, тоже, - Брыль повернулся в сторону Юрия Петровича, спорящего о чём-то с пьяным Полозковым. - Что это за фокусы, такой видный мужик – молодой, красивый, высокий блондин в коричневых ботинках – а ходит по ресторанам ложки облизывает вместо того, чтобы с любимой супругой оливье в постели наминать...

- Так что Евгения Александровна-то?

- Условие мне выкатила: или я остаюсь с ней или валю на все четыре стороны вместе с моей работой. А я, Гена, ты знаешь, не люблю, когда мне рамки ставят...

- Понятно, - пожал плечами Апатов.

- Можешь ты ей заняться, - ухмыльнулся Брыль.

- Не-а, она не в моём вкусе.

- А кто в твоём? Ну, из райотдела хоть одна девка нравится?

- Да все нравятся, но такой, как ваша жена, среди них нет.

- Умеешь прогнуться, Геннадий Сергеевич. Ценю, - блеснув стройным рядом зубов, засмеялся Брыль.

До нового года оставалось около часа. Все нервно посматривали на часы, надеясь успеть завершить операцию до двенадцати ночи, хотя, по сути, спешить было не к кому ни Апатову, ни Гагину, ни Брылю. Да и изрядно набравшийся с прохожими коньяку Полозков, похоже, чувствовал себя во дворе комфортней, чем за домашним столом. Наступила какая-то томитель-

ная тишина, как вдруг на третьем этаже дома распахнулось окно, и женский голос закричал на всю округу:

- Вода! Люди, воду качают! Боже, неужели! Вот так праздник!
 - Ну, всё, - сжал кулаки Брыль. – Пора на переговоры. За мной!
- *

Как и обещал, Владимир Иванович пришёл разбудить Артёма. Мальчик беззаботно спал на спине, на его гладком детском лице застыла смешная улыбка.

«А нужно ли тебе, мой юный дружок, соблюдение этого обязательного глупого и вредного человеческого церемониала – один раз в год набивать желудок в полночь? Не лучше ли будет не нарушать здоровый сон, чтобы утром ты проснулся бодрым и счастливым?», - подумалось Зорину.

Он аккуратно, чтобы не разбудить, поправил укрывавшее Артёма одеяло, вспомнив, что когда-то, много лет назад, делал то же самое, оставляя комнату уснувшего сына Ивана. Мысленно пожелав Артёму исполнения желаний, Владимир Иванович на цыпочках вышел в прихожую и услышал еле уловимое журчание воды в накопительном баке Машиной ванной.

- Вот так дела! – прошептал Зорин с удивлением. – Чудеса, оказывается, в новогоднюю ночь сбываются. А я снег таскал зря...

Бросившись в свою квартиру набирать запас воды, Зорин открыл дверь на лестничную площадку... Всё произошло мгновенно – две крупные мужские туши сбили старика с ног и, заломив руки назад, всем весом навалились сверху. В правую щёку уколол холод ледяного кафеля.

- Фамилия, имя, отчество! – крикнул в ухо Зорина Апатов.
- Зорин я... Владимир Иванович...
- Где ружьё!?
- В сейфе, - простонал Зорин, едва не теряя сознание.
- Как в сейфе? - вскрикнул Брыль. – Ты чё городишь, мразь?
- В... квартире... ключ в кармане... - выдавил из себя Владимир Иванович, надеясь, что напавшие на него незнакомцы заберут ружьё, ограбят его квартиру, но не тронут Артёма.
- Тащите в машину! – скомандовал Брыль операм, Апатов в это время вытянул из кармана пижамы Зорина связку ключей. Сейф нашли и открыли быстро.
- Давайте в квартиру, где мать с пацаном, - тяжело дыша, бросил Апатов.
- За мной! – сказал Брыль и ворвался в открытую квартиру Маши.

На диване сидел сонный Артём.

- А вы кто? – спросил он, испуганно моргая.
- Всё хорошо, мальчик, мы свои. Где мама? – Брыль крепко схватил Артёма за плечо.
- Вы террористы?
- Ну, даёшь... Террорист задержан, малой. Мама где? Куда он её дел?
- Мама в городе новый год встречает с дядей Валерой... А где деда Вова?
- Какой Валера? Какой Вова? – затараторил Брыль. – Мальчик, ты себя нормально чувствуешь? Что он с тобой делал?
- Кто?
- Ну, этот дед...
- Ничего. Я просто спал. А новый год уже наступил? А зачем вы взяли чужое ружьё? Это деды Вовы ружьё. Вы террористы?
- Ничего не понимаю, - развёл руками Апатов.
- Подожди, малыш, как тебя зовут? – по шаблону, не давая опомниться, спросил Брыль.
- Артём, - ответил мальчик, прижавшись к спинке дивана и подняв колени к груди.
- Артём, мы полицейские, понимаешь. Этого дедушку мы поймали. Он тебя обижал?
- Не-ет. Мы с ним новый год должны встречать.

- Блин... - не выдержал Апатов. – Давайте выйдем, тут что-то не то происходит. Полицейские вышли на площадку.

- И что ты на всё это скажешь? – недовольно пробурчал Брыль.

- Да похоже, что нет тут никакого террориста. Какой-то новогодний розыгрыш. Только кто и кого разыграл – не могу просчитать.

- Ну, это мы сейчас у задержанного спросим. Пошли вниз.

*

Лёгкий морозный ветерок румянил щёки собравшихся зевак, наблюдавших вывод из подъезда Зорина в сопровождении оперуполномоченных. Владимир Иванович еле держался на ногах, кивал знакомым, совершенно не понимая, что происходит.

- Вы бы руки отпустили, парни, обещаю, что не убегу, - попросил Зорин, но мужчины не ослабляли хватку, пока не затолкали Зорина на заднее сиденье машины.

Через несколько минут вышли хмурые Брыль и Апатов.

- Ну-ка, ребята, отпустите его, не переживайте, беру ответственность на себя, - сказал Брыль.

- Да отпустите мужика!- прикрикнул Апатов, заметив нерешительность оперов.

Потяжелевшего от переживаний Зорина вытолкнули из автомобиля.

- Владимир Иванович, я начальник районного отдела полиции. Брыль моя фамилия. Вы может ответить на вопрос, что у вас здесь сегодня происходило? Только коротко и внятно, если можно.

- Что вы имеете в виду? – спросил сморщившийся от боли Зорин.

- Мы имеем в виду ваше ружьё, почему оно было не в сейфе, а в соседской квартире? Что вы в ней делали? Кто угрожал взорвать здание водоканала? Кто заложник, в конце концов? Это был какой-то розыгрыш? Можете внятно ответить? – включился в процесс опроса Апатов.

- Я не знаю, что вы от меня хотите. Действительно, какой-то розыгрыш, - одетый в одну пижаму озябший Зорин скрестил руки на груди.

- То есть вам нечего нам сказать?

- Нечего. Мне к Артёму нужно. Он один остался. А мама его в городе...

Брыль брезгливо посмотрел на Апатова, Апатов стыдливо – на Гагина, Гагин удручённо – на Полозкова, Полозков безразлично - на Брыля.

- Получается, ложный вызов? – неуверенно проворчал Апатов.

- Получается. И тебе, Гена, придётся с этим разобраться.

- Что, сейчас что ли разбираться? Праздник всё-таки, - замылся Апатов.

- Ну, не сейчас. Завтра займёшься. Точней, уже сегодня. Ты же главный горнист пионерского лагеря, тебе и дудеть. Где эта заявительница, Елена, как её, Рубина? О, уже исчезла, пошла шампанское пить и винегрет кушать... Найдёшь её, и - по всем пунктам протокола...- Брыль улыбнулся и посмотрел вдаль. - Глянь, сорванцы малые петарды поджигают. И никакие предупреждения на них не действуют. И родителям всё профилем. На глазах у начальника полиции нарушают закон. Беспорядок, товарищи офицеры. Ну, что, будем составлять протокол или как?

- Давайте лучше посмотрим,- предложил Апатов.

В небо брызнули искрящиеся фонтаны, двор заполнился канонадой взрывов. И поднявшие глаза вверх люди не сразу заметили, как на снег без чувств упал Владимир Иванович Зорин. Когда его попытались поднять, он уже был без чувств. А когда приехала карета скорой медицинской помощи, тело Зорина со скрещенными на груди руками совсем окоченело. Кто-то из зевак убеждал всех собравшихся во дворе, что умирая, Зорин тихо проговорил: «Здравствуй, Любаны...»

*

На кухне в квартире у Полозкова сидели пятеро – сам начальник ЖЭКа, его жена, Брыль, Апатов и Гагин.

- Такого в моей биографии ещё не случилось, чтобы в новогоднюю ночь, в чужой квартире, чужого мужика чаем поминали, - задумчиво сказал Брыль.

- Да, жаль старичка, сюрреализм какой-то... Этот новый год на всю жизнь запомню... - вздохнул Апатов. - Слушайте, мужики, а поехали к моей сестре, - предложил он, пробежав взглядом по угрюмым лицам. – Она рада будет таким важным гостям, там и сообразим. Заодно, вот, Юрия Петровича с ней познакомлю. Может, встретятся два одиночества. Но предупреждаю, она женщина молодая, но хозяйственная – дачка у неё двадцать соток, курятник, пасека, огородик. Пашет сестричка как вол, а жужжит аки пчела. И ребёнок имеется.

- Пасека? - улыбнулся Гагин. - Я не возражаю. Всю жизнь мечтал о пасеке и работающей жене рядом. Брошу я этот водоканал, коллеги, надоело. В этот раз точно брошу. Брошу и женюсь! А ребёнок большой, Геннадий Сергеевич?

- Да как вот этот Артём примерно, шесть лет, помощник что надо.

- Нет, ребятки, вы как хотите, а я домой. Жене любимой позвоню, узнаю, как там тещенька. А утром, Гена, на работу, - выдохнул Брыль

*

До самого утра Артём не сомкнул глаз, просидев сжавшимся комочком на краю дивана. Он так и не понял, что произошло ночью. Кто были ворвавшиеся в квартиру люди, и почему машина скорой помощи увезла деду Вову. Но чувствовал Артём, что во всем произошедшем есть и часть его личной вины. Утром приехала взволнованная мама и дядя Валера. Мама плакала, а дядя Валера сидел, закрыв лицо руками. Позже они обнаружили под ёлкой сладкие подарки и конверт с документом. Это было нотариальное завещание Владимира Ивановича на квартиру и всё своё имущество, которые он в случае смерти передавал Маше. Чудеса в эту новогоднюю ночь закончились.

Верующие

Нанятую по объявлению в газете строительную бригаду Алла Петровна встречала как дорогих и долгожданных гостей. Старый деревянный забор, поставленный покойным мужем ещё в хрущёвские времена, изрядно разохся, покосился и просил добротного ремонта уже лет десять как. Сын Олег вечно занятый на работе, заезжал к матери на час-другой лишь по выходным, да и те случались не каждую неделю. Поэтому так и сказал: «Мама, вот тебе свежайшая пресса с объявлениями, выбирай работяг на любой вкус и профиль, но забор ставим металлический, чтоб надолго», - и бросил на старенький журнальный столик с перекошенными ножками пачку пахнущих типографской краской газет.

- Мама, ты ж только смотри, чтобы мужички не выперли чего из дома. А то сама знаешь, какие времена – доверять никому нельзя, - предупреждал сын по телефону, узнав, что прибывшие в родительский дом строители уже приступили к демонтажу отцовского забора.

- Да, времена плохие, но, ты знаешь, мне эти ребятки понравились, - рассудительно успокоила Алла Петровна. – Хорошие такие, приветливые.

- Хорошие, мама, не значит честные. Все они сейчас того и гляди нороят у тебя последнюю копейку выжать, ещё и со двора что-нибудь умыкнуть, - нервно и даже несколько грозно буркнул сын.

Олегу стукнуло пятьдесят, он много лет - на руководящей шахтёрской должности, поэтому не без оснований он считал, что наступило то самое время, когда ему необходимо воспитывать маму и поучать уму-разуму, оберегая от всяческих непродуманных поступков. А Алла Петровна была женщиной простой, деревенской, когда-то совсем девчонкой приехавшей в город, и за всю жизнь так и не избавившейся от провинциальной привычки всем доверять и любого встречного-поперечного считать добрым человеком.

- Ты знаешь, сынок, вот, нельзя быть таким, - с добродетельной укоризной бросила мама.

- Каким? – переспросил сын.

- Вредным. Вредный ты у меня. Особенно последнее время стал. На всех бурчишь, всё критикуешь, слова поперёк тебе не скажи, - Алла Петровна задумалась, вспоминая приятное чаепитие с тремя воспитанными и весьма разговорчивыми молодыми строителями. – Они, Олег, между прочим, верующие...

- Да ты что-о!?!- отрывисто пробубнил в трубку телефона сын, придавая своему то ли вопросу то ли выплеснутой эмоции степень крайнего скепсиса и возмущения. – И в кого они там у тебя веруют, мама?

- Ну, как в кого? – возмутилась Алла Петровна. – В Бога. В Иисуса... Да, они в церковь ходят, про Библию мне рассказывали, приятные такие ребята, сейчас и не встретишь таких.

- Ой, мама, этих церквей сейчас знаешь сколько... Впрочем, ладно, поглядывай за этими архаровцами, чтобы качественно делали, на десятилетия, платим всё ж таки не три рубля, - смиренно сказал Олег, посмотрев в записи своего ежедневника на рабочем столе – нужно как-то выкроить время, чтобы заехать к маме, лично проконтролировать ход работ.

- Сынок, - продолжила Алла Петровна, - не нервничай ты, и так здоровья никакого нет. Старший у них в бригаде Серёжа, голубоглазый такой, светленький мальчик, лет тридцать ему. Грамотный, техникум закончил. Он у них с этой, как его, с мягкой линейкой такой, ходит...

- С рулеткой, - поправил Олег.

- Да, с рулеткой, ходит, всё замеряет, записывает, всё что-то на канкуляторе считает. Витя, одноклассник Серёжи, тот больше с инструментами – режет, сверлит, бурит. Немного такой, мужиковатый, но вежливый. А самый болтливый Пашка, но он и пашет больше всех. Он студент, подрабатывает. Серёжа его цемент мешать заставляет, воду носить. Жалко мне его, пахивается в жару-то такую. В общем, всё у них ладится, не переживай, сынок. Я их кормлю,

супчики варю, картошечку жарю. А чего им по столовым шастать, стаканы облизывать, время терять?

- Тормозки могли бы брать, - недовольно клацнул зубами Олег, давая понять маме, что разговор пора заканчивать – рабочие дела не ждут.

- Сынок, - торопливо запричитала Алла Петровна, - правду говорю – хорошие парни. Серёжа – вон – прям говорит изречениями, мне так нравится. Заповедь, говорит, новую даю вам: да любите друг друга, как я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. Это так в Библии писано. А вот ещё, я прям запомнила: «Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог – в нем». Всё, сынок, работай, не отвлекаю. Люблю тебя!

Алла Петровна вернулась в дом, когда-то выстроенный мужем из подручного материала - самана, но в последующие годы - уже сыном - аккуратно «завёрнутый» в салатный фантик из польского сайдинга. Время катилось к обеду, нужно было кормить проголодавшуюся бригаду. Стол молодым людям Алла Петровна накрывала в небольшом флигеле, стоявшем в глубине старого, но плодоносного сада.

- Вы фрукты- то едите? – спросила Алла Петровна, разливая по тарелкам свежесваренный борщ. – А то пропадают ведь. Гляньте, какие в этом году яблоки уродили. А груши – загляденье, ни в какой Турции такие не растут. Сын ездит редко, а я ни сливу, ни грушу, ни яблоки не ем, желудок не принимает.

- Вы за нас, Алла Петровна, не беспокойтесь. Рвём понемногу, хороший у вас садик, видно, что с любовью сажены, - гипнотизируя женщину своими голубыми глазами, спокойным баритоном ответил Серёжа. – И огурчики с вашего позволения с грядки испробовали. Малосолейте?

- Ой, да я так, бутылков десять на зиму закрываю, ради того чтоб было. Родители так с детства приучили, они ж у меня войну прошли, - окинув сидящих за столом парней благодарным искрящимся взглядом, махнула тонкой рукой Алла Петровна. – А есть некому, открываем за зиму только на новый год, на Рождество, да на двадцать третье февраля, когда сын с невесткой и внуком приезжают. Ой, вы, наверное, хотите консервации? Мои вы хорошие. Витя, ты спустись в погреб, да возьми бутылёк огурцов или помидоров, там и зёлёнькие, и красненькие есть, и покрупнее, и помельче, ляда вот здесь, под ковриком.

- Это мы уже поняли, что погреб находится под нами, - улыбнулся Витя, поднимая угол ковра, где обнажилась сбитая из суровых дубовых досок деревянная крышка. – Эх, хороший вы человек, Алла Петровна. Это сколько вам лет?

- Да восьмой десяток недавно разменяла.

- А выглядите очень грациозно. Обворожительно. Представляю, какой красавицей вы были в молодости. Хорошая мама, наверное. Мне бы такую. Мне ведь с матерью не повезло. Умерла рано, отец привёл в квартиру молодую мачеху, с которой всю жизнь как кот с собакой. Слава Богу, женился я два года назад, сняли с женой квартиру. Теперь живу как кум королю сват министру.

- Так ты ещё и в квартире живёшь? – перебила Алла Петровна. – Небось, дары природы только в магазине и покупаете? Так ты возьми там пару бутылков домой, порадуй жену.

- А можно и нам с Пашкой? – вмешался с просьбой Серёжа. – Мы тоже квартиранты – четыре стены, два окна, один туалет и гул трассы за окном. Витёк, доставай побольше, нам ещё здесь несколько дней упыхиваться, попробуем домашние солёности.

- Да берите, конечно, на здоровье, - неуверенно проговорила смутившаяся Алла Петровна.

- Спасибо вам! Служите господу вашему, и он благословит хлеб твой и воду твою; и отвращу от вас болезни. Как сказано у Иакова, всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше от отца светил, у которого нет ни изменения, ни тени перемены! – моно-

тонно, словно читая проповедь, сказал Серёжа, глаза его искрились, лицо излучало весёлый свет. – Правильно ведь, Алла Петровна?

- Конечно, Серёжа, - скромно согласилась хозяйка, опустив взор. – Мне так нравится, когда ты Библию цитируешь.

Забор меняли по всему периметру двора. Грузная, еле передвигающая ногами соседка баба Катя побухтела немного, мол, в кои-то веки такие железные частоколы вошло в моду ставить – ни поговорить, ни на соседский огород одним глазком глянуть – чего там Алла Петровна у себя в этом году вырастила. Коту теперь не влезть на забор, приходится по своим кошачьим делам по другим дворам шастать.

Работа шла к своему завершению. Яркие зелёные листы металла, закреплённые на металлических трубах с квадратным профилем, сверкали великолепием и создавали атмосферу теплоты и уюта во дворе. Перед выходными днями маме позвонил Олег.

- Привет, мам, докладывай, как там завершается стройка?

- Всё хорошо, сынок, не переживай. С ребятами лажу, делают на совесть, мне нравится, только от Кати, соседки, теперь отгородилась, неудобно как-то стало. Теперь поговорить с ней хожу за двор, к её калитке. Но ничего, всё хорошо, - бодро доложила мама.

- Так ты это, скажи архаровцам, чтобы они калитку междворовую повесили, будете с бабой Катей друг к дружке по грядкам в гости ходить.

- Я намекнула им это. Но они, сынок, торопятся. Уже следующий объект взяли. Пашку туда отправили, что-то там надо предварительно демонтировать. Да и Серёжа сказал, что умрёт соседка, продадут дети её дом какому-нибудь цыганскому табору... И что потом? Заваривать ход? Наверное, он прав...

- Мам, да баба Катя ещё своему деду Васе изменит на моих похоронах. Давай так, ты с ними не расплачивайся до моего приезда. Я хочу работу лично принять, ну и про калитку поговорить, за отдельную плату, не велика работа – две петли приварить, - строго приказал маме Олег.

Но не знал сын, что уже полностью расплатилась Алла Петровна за труды строителей. И не один Пашка уехал на новый объект, а все трое. Посчитали каждую вырытую ямку, каждое ведро бетона, каждый сварочный шов и закрученный винт. И премиальные попросили сверху, за срочность. И в спешке оставили после себя кучу металлического лома, разбросанные по огороду саморезы, обломки электродов, комья бетона и голые бесплодные деревья отцовского сада...

За уборкой двора и застал Аллу Петровну приехавший в субботу вечером Олег. Походил, посмотрел, важно поцокал языком.

- Нет, мам, определённо нормальные шабашники за собой мусор вывозят. Да и забор, согласись, выполнен так себе, на троечку, - печально проговорил Олег, присаживаясь на скамейку под дворовым навесом. – Эх, чёртова работа, не успел вовремя.

- Захотел бы – успел, - орудуя веником, недовольно отозвалась мать.

- Захотел бы... Хотеть-то мы многое можем, да не всегда принадлежим своим хотелкам.

– Слушай, мам, а ты чего такая колючая сегодня, как не родная?

- Да так, - отмахнулась Алла Петровна.

- Что, «так»? Случилось чего?

- Ага. Случилось...

- Ну, не тяни кота за хвост...

- Боюсь, что расстроишься.

- Что? Говори уже. Умер кто?

- Да ломика нашего найти не могу, чем зимой лёд на крыльце колоть буду – ума не приложу. Видать, нечаянно увезли вместе со своими инструментами, - выпрямилась и подняла уставшие глаза Алла Петровна.

- Нечаянно, говоришь? Только ломик?

- Да, по-моему, и лопату тоже.

- На лопате список потерь закончился?

- А ты сам посмотри. Ребята во флигеле переодевались. Кажется, и трубы увезли, которые лишние оставались, а за них же тоже деньги плочены.

Олег поднялся со скамейки и исчез за дверью флигеля. Через несколько минут вышел с перекошенным от удивления и злобы лицом, объявив:

- Mam, да тут не только ломик с лопатой, я там половину отцовских и своих инструментов найти не могу. Ни дрели, ни болгарки, ни электрорубанка, ни набора напильников – это то, что бегло заметил. Ты им разрешала брать инструменты, этим верующим?

- Только консервацию разрешала, ну, так, покушать. А инструменты у них свои были, - испуганно подняв руки, боясь неадекватной реакции сына, ответила Алла Петровна. Олег любил маму, но мог иногда позволить себе при ней перейти на не самые литературные выражения.

- Консервацию, говоришь? Сейчас проверим, - Олег снова вошёл во флигель и ловко нырнул в подвал. – Ма-ма-а! Да тут, кажись, вычистили всё. Во всяком случае, из того, что я видел последний раз, осталось лишь пяток банок с вареньем. Вот уроды, а!

- Ох, а говорили, чтобы я не беспокоилась. А я-то поглядываю, а они всегда с полными сумками домой уходили. Какие-то друзья к ним на машине каждый день подъезжали. Ещё и деньги взяли всё до копеечки, - прослезившаяся от обиды, Алла Петровна присела. – Ты не ругай меня, сынок. Ну, дура я, дура...

- Да говорил же тебе...

- Дык хорошие же ребята мне показались. Да и что я сама против них сделаю?

- Телефон-то есть. Позвонила бы мне, если что-то заподозрила.

- Телефон... Вот сейчас и позвоню им по телефону, - воодушевилась Алла Петровна.

*

- Какой лом, Алла Петровна? Какая лопата? Что вы? Как вы могли про нас такое подумать? Посмотрите внимательно, наверняка где-то во дворе стоят себе тихо, ждут хозяйку, – отозвался в трубке такой полюбившийся умиротворяющий голос Серёжи. – А если и взял кто – ничего страшного. Как говорится, не о себе только каждый заботься, но о других. Если там у вас что и пропало, то не расстраивайтесь, это такая мелочь. И не думайте ни о ком плохо. Любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас. Так нас писание учит, Алла Петровна, мы же с вами так приятно беседовали, а вы нас под подозрение. Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего – тот еще во тьме, Алла Петровна.

- Ну-ка, мам, дай я с ним поговорю, - выхватил трубку мобильного телефона Олег. – Слушай, ты, пастор недоделанный, ты же со своими криводелами весь флигель обчистил. Мне что, ментов вызвать!?

- Хамить, мужчина, не надо. Не знаю, кто вы, но догадываюсь, что сын, - уверенно и спокойно прозвучал голос в трубке. – И вы, я уверен, очень любите свою маму. Любите свой родительский дом. Зачем подвергать потенциальной опасности объекты своей любви? Никому не надо воздавать злом за зло. Правильно ведь? Согласитесь, что разумно будет просто радоваться жизни. Ну, если не жизни, то хотя бы забору, который мои криводелы вам поставили. Всего вам доброго! Как говорил апостол Матфей, счастливы добрые, потому что к ним будет проявлена доброта. Счастливы чистые сердцем, потому что они увидят Бога.

Гипноз

Шло десятое лето необъявленной войны, которую по велению её зачинщиков современники назвали русско-украинской, но каковую по её окончании историки назовут третьей мировой. Ещё никто не знает, чем закончится это кровавое побоище: кто поднимет флаг победы, а кто будет платить контрибуции, на какие глубины просядет славянская демография, а кто снимет кровавую пену каиновых миллиардов перед тем, как отправиться в ад. Никто из воюющих сторон, разделённых между собой случайно образовавшимся государством под названием Украина, ещё не собирается отступать, а впереди – месяцы, годы и одна непостижимая безвестность.

*

Рядовой Александр Дробышев в свои тридцать три уже отвоевал. Остались сущие формальности перед тем, как уйти в запас. Медики военно-врачебной комиссии установили итоговую категорию годности к военной службе, определив, что травма головы неизлечима, а болезнь прогрессирует. Дробышев уже сидел на рюкзаке, и вызов к главному врачу военного госпиталя Юрию Георгиевичу Родионову воспринял как ещё один мизерный шаг к выписке и долгожданному возвращению домой.

- Дробышев, за тобой приехали, - сказал Юрий Георгиевич, взглядом указав на одиноко сидящего в углу его кабинета человека в камуфляжной форме. – Вот, товарищ сам всё объяснит.

Человек в камуфляже пересел к приставному столу, где перед Родионовым неуверенно разместился бледный и исхудавший Дробышев. Неизвестный был невысоким коренастым мужчиной лет сорока, с поседевшей узкой бородкой и чёрными, как смоль, длинными усами, комично закрученными вверх.

- Так вот ты какой, гипнотизёр Дробышев! – произнёс незнакомец, сразу представившийся как замкомандира разведроты Кирьянов, приехавший за Александром с просьбой отлучиться на один день для участия «в особо важном деле». – Очень надо, Саша! Два часа туда, два обратно, на один денёк, и доставим обратно с благодарностью от всего подразделения.

Дробышев вопросительно посмотрел на главного врача, тот утвердительно кивнул, что означало лишь одно – вопрос согласован. Отпираться было не столько бесперспективно, сколь неудобно, оставалось лишь уточнить причину и детали отлучки из госпиталя.

- Чем могу быть полезен? Я для особо важных дел уже как бы фигура отработанная, - пожал плечами Дробышев.

- Саша, нужна твоя помощь, - твёрдо сказал Кирьянов, подкрутив чапаевский ус. – Твой дар нужен. Я обещал командиру, что без тебя не вернусь.

- Да какой дар, дружище? О чём вообще речь? – недоумевающе спросил Дробышев.

- О чём речь - этого пока сказать не могу. Задача будет поставлена на месте, - пояснил Кирьянов, потом повернулся к Родионову и добавил: - Скромняга-парень, представляете...

Подвиг совершил, и молчит. Вернулся из вашего госпиталя в мою роту разведчик, и рассказал историю про гипнотизёра Дробышева. Он тут на кроватях прохлаждается, а там о нём легенды слагают.

- А что за легенды? Позвольте поинтересоваться, - заинтриговался доктор.

- А сам он не рассказывал? – возмущённо пробасил Кирьянов. - Говорю ж, скромняга. Сам я подробностей не знаю, но поведали так, что накрыла птичка, ну, в смысле дрон, позицию группы бойцов. Один двухсотый, два трёхсотых и ещё трое на ногах. Стали выносить раненых, один из них орал от боли так, что кровь в венах стыла. Думали, что всё, не жилец. Уже стал отключаться. Так вот, говорят, Дробышев ввёл его в состояние транса и всю дорогу, когда тот был в полубессознательном состоянии, разговаривал о перипетиях детства, юности, первой любви, потом внушал жизненно утверждающие установки, пока, наконец, живого не передал медикам. Чем, собственно, и спас. Представляете? Я так говорю, Саша, или нет? – Кирьянов повернул лицо к Дробышеву.

- Примерно так. Только я сам не знаю, как оно получилось, - неуверенно хмыкнул Александр.

- Не знает он. Всё ты знаешь, братишка. У тебя позывной Гипноз. И этим всё сказано, - покомандирски рубанул Кирьянов. – В общем, времени мало. Давай, Сань, собирайся. Выручай.

- И всё-таки... Куда мы едем и какая моя функция? - понимая, что не получит ответа, всё равно спросил Дробышев.

- По дороге поговорим, - ответил Кирьянов и, поднявшись со стула, протянул руку Родионову. – Спасибо вам за понимание, доктор. Все, как и договорились, доставлю в целости и сохранности сегодня вечером, в крайнем случае, завтра утром.

*

В расположение разведроты ехали на забрызганной чёрной донбасской грязью юбилейной «буханке», за рулём которой сидел молчаливый водитель с посечённым шрамами лицом. Работу свою он знал хорошо, мчался на максимальных скоростях, порой не обращая внимания ни на дорожные знаки, ни на сигналы светофора. Кирьянов с Дробышевым разместились на боковых сиденьях в салоне

- Слышь, Моряк, ты не увлекайся, нам товарища надо поберечь, ему сегодня работать. Доктор сказал, чтобы аккуратнее, - громко крикнул водителю Кирьянов.

- Вас понял, - посмотрев в зеркало заднего вида, спокойно отозвался Моряк и немного сбавил скорость, в салоне стало тише.

- Чего молчишь, Гипноз? Расскажи лучше, кто тебе такой позывной дал или сам придумал? – настойчиво дёргая чёрный ус, спросил Кирьянов.

- Всё просто, - театрально улыбнулся Александр. – Рассказал товарищам причину своего увольнения из школы.

- И что за причина?

- Я психологом школьным работал. Как-то рассказал старшекласникам, что мой дед был гипнотизёром. Ну, не так, чтобы занимался этим профессионально, он вообще в колхозе работал. Но мог, например, войти в чужой двор и взять в сарае, чего надобно, а собака даже рот открыть не могла. Животные вообще в глаза деду не смотрели, что домашние, что дикие. Люди в деревне тоже лица воротили, боялись. А что? Он на собрании колхозном председателя в транс ввёл и ушёл огород копать, так собрание и закончилось, не начавшись. А председатель только часа через два очухался. Однажды в деревню две цыганки заявили, начали золото у людей выманывать. Помните, была такая эпопея с этим золотом? «Порча, - говорят, - на тебе, смертельная, на украшения сделана, носи все золотые изделия из дома, будем снимать порчу». И люди несли, отдавали всё самовольно. Так и кружили цыганки по району, и милиция не могла их поймать. Пока не нарвались цыганки на деда моего. Глянули они ему в глаза и замерли. Дед ходил домой, переоделся во всё чистое, вернулся – они стоят, как вкопанные. Дед шепнул им что-то, они и тронулись за ним молча, и притопали к участковому в соседнее село. Цыганки, правда, как и председатель, тоже пару часов не могли слова вымолвить, сидели в опорном пункте милиции как мумии египетские. Мог бы дед со своим талантом большие деньги зашибать, родись он где-нибудь в Москве или Ленинграде.

- Так ты, выходит, от деда тоже дар получил?

- Нет у меня никакого дара, так, чуть-чуть могу, понарошку... Школьники мой рассказ про деда на смех подняли, а меня это зацепило. Я ж школьный психолог, можно сказать, уважаемый человек, к тому же не вру, а правду говорю. Ах, так!? Дай, думаю, попробую гипноз на самом весёлом и недоверчивом папашкином отпрыске. Собрал всю волю в кулак, перегнал энергию из этого кулака во взгляд свой, смотрю, а клиент поплыл. Глянул мне в глаза и рухнул, где стоял. В чувство пришёл быстро, но шум по школе разошёлся. Стали ко мне заглядывать, типа, а давайте ещё попробуем... Ну, давайте, мне самому стало интересно, на что я способен, и смогу ли этой энергией разумно управлять. А тут – целая толпа подопытных сама приходит, чего ж не воспользоваться. В общем, закончилась эта эпопея тем, что накатали родители на меня жалобу в прокуратуру. Началась проверка, и директриса, чтоб на школу тень не наводит, по-быстренькому меня и уволила.

Кириянов расплылся в почтительной улыбке, от чего кончики усов едва не коснулись уголков широких глаз.

- И ты сюда подался?

- А после того скандала мне бы в городе всё равно работать не дали. Жены нет, родители с копейки на копейку перебиваются, а тут я ещё – лишний рот. Выбор был небольшой: либо уголовная статья за применение психического насилия в отношении несовершеннолетних, либо административка и военный контракт. Я выбрал второй вариант. Теперь вот отвоевал своё. Думал, домой, а тут вы со своим особо важным делом. Так что за дело-то?

Кириянов недоверчиво глянул на Морьяка, громко пошамкал челюстями, раздумывая, потом тихо, почти шёпотом проворчал:

- Пацаны пленного укропа притащили. Засекли схованку, где расчёт эрсэзошников шкерился. Месяц жизни не давали никому, падлы. Выдвинулись, чтобы уничтожить, а в результате

разведки боем вытащили из норы целого командира реактивного артиллерийского дивизиона. Чего он там ловил – непонятно, однако вот такая нам выпала удача, Саша. Но есть нюанс – командир с приколом оказался. Допросили, всё стрекочет складно: из Вышгородского района Киевской области, женат, двое детей... Оттарахтел как по шпаргалке всё – и про хату с садочком, и про учёбу в Киеве, и про тренировки в Британии, и про программу подготовки. А как подходим к главному – к сведениям о подразделениях ракетчиков, о руководящей структуре, о вооружении, расположении складов, средствах связи, маршрутах, точках наблюдения, схемах взаимодействия, ну, ты сам понимаешь структуру допроса – вот тут – беда...

- Не колется?

- Как тебе сказать? Начинает отключаться, типа в обморок уходит и бред несёт. Показали доктору, говорит, физически почти всё нормально, чуть моторчик барахлит, но он у всех военных не в порядке, а вот насчёт психики – тут другой специалист нужен. А нам из этого борова надо хоть какие-то сведения добыть, пока он ещё в наших руках и не передали по инстанции. Ну, здесь про тебя наш подлечившийся боец и вспомнил. Про подвиг твой гипнотический. Да ты, может, и знал его – позывной Крот из Стаханова, он тебя в госпитале видел, и как на Бога смотрел. ...

- Не, не знал...

- Ему про тебя и рассказал твой спасённый. Подумали и решили, если ты обладаешь даром гипнотизёра, ты ведь и укропчика можешь в обмороке допросить?

- Вы с ума сошли? – подпрыгнул Дробышев. – Какой нахрен пленный? Какой обморок? Это не по моей части. Разворачивай коней, поехали обратно.

- Ты не кипятись, Сань. Надо попробовать. Понимаешь, тут дело принципа. И не только для меня, для всех моих пацанов. Не каждый день такой фрукт нам с дерева падает. И надо скушать его, получив максимальное удовольствие и объём позарез нужных сведений, – умиротворяюще почти промурлыкал Кириянов.

- И как вы себе представляете этот допрос?

- Укроп – субъект непредсказуемый. Твою задачу вижу так: ты присаживаешься рядышком, никто тебя не представляет, пленный не понимает, кто ты. Вопросов не задаёшь, комментариев не делаешь, ни на что не реагируешь. Просто слушаешь, ловишь его за метлу, если надо, делаешь пометки на листочке – ты же психолог, можешь понять, когда человек врёт, когда искренен, когда ему хорошо, а когда реально плохо. А вот если опять наш клиент рухнет в обморок, вот тут и предлагаю попробовать твоё искусство. А-а?

- Ерунда какая-то. Да это и незаконно, – шикнул Дробышев, он внутренне ощущал, что предлагаемая задача для него непосильна.

- Незаконно, говоришь? А законно целые деревни с живыми людьми жечь? Пленных стрелять законно? Незаконно, блин... Это тебе не школа, родители в прокуратуру не напишут, не переживай. Да и предки у него под Киевом, а мы Киев возьмём не скоро. Вот такой расклад, Сань.

*

Разведрота Кирьянова располагалась на окраине какого-то посёлка в побитом осколками одноэтажном бараке с глубокими подвальными помещениями. В гражданской жизни, вероятно, это было либо небольшое предприятие, либо вспомогательное помещение шахты или завода. Взрыхлённая прошедшими недавно боями земля вокруг барака колола глаз выжженными травами и останками обгоревших деревьев.

Дробышева и Кирьянова встретило два высоких бойца, от которых пахло потом и порохом. Скупые рукопожатия без представлений. Александра провели по длинному коридору с облупленной керамической плиткой и предложили спуститься в просторную полуподвальную комнату с одним зарешёченным окном. За столом на кривой табуретке в одиночестве сидел седовласый офицер, представившийся командиром разведроты Леонидом.

- Значит, ты тот самый Гипноз? – скупно улыбнувшись, глухо спросил командир.

- Так точно, - казённо кивнул Дробышев, поправляя на себе основательно обвисшую за время лечения форму.

- Я-то представлял себе, что явится сейчас настоящий шаман – глаза чёрные, нос пикой, руки-крюки, морщины –барханами, а тут привезли обычного парнишку белобрысого, Емельку с печки, - сдержанно пошутил Леонид.

- Ну, какой есть...

- Присаживайся, Саша, - предложил командир. – Кирьянов, а ты давай, через пять минут заводи вояку. В общем, ещё раз предупреждаю: никаких имён, позывных, косых взглядов, острот, подколов, перемигаваний и смефуёчков. Пленный сидит в углу. Я веду допрос, остальные молчат и слушают, ловят каждое слово. Если возникают дополнительные вопросы, пишете на бумаге, передаёте мне. Я уже буду сам анализировать уместность и формулировать предмет. Теперь ты, Гипноз... Кирьянов, в принципе, тебе всё рассказал, но я добавлю: мы очень рассчитываем на твой дар. Если сможешь ввести пленного в состояние транса и поговорить, вытянуть из него душу, но лучше важные сведения, это очень поможет в нашей дальнейшей работе. Понимаешь, очень поможет. Список вопросов тебе, в принципе, не нужен, ориентируйся на те, что буду задавать я. А там уже как знаешь сам, ты специалист, тебе и колдовать. Очень тебя прошу, отнесись с пониманием и полнейшей серьёзностью. Вопросы есть? Вопросы нет. Ну, всё, по местам.

В комнату завели пленного – широкоплечего, коротконогого, с вислым животом и длинными руками, которые, даже будучи связанными, доставали почти до коленей. Возраст – лет под пятьдесят, лицо упитанное, небритое, взгляд слегка бегающий, как будто ищущий возможность ускользнуть. Дробышев сразу обратил внимание на кровоподтёки под глазами впавшими, видимо, досталось мужику при задержании. Но расспрашивать такие подробности возможности не было, хотя они показались для миссии Дробышева очень кстати.

Несколько секунд Александр пытался «ухватить» зрачки допрашиваемого, которые метались из стороны в сторону и никак не фокусировались в одном положении. Пленный – калач тёртый, наверняка, сразу понял, кто здесь главный, поэтому поглядывал только на командира

или просто шарил блуждающим взором по углам. Командир перешёл к вопросам допрашиваемому, представившемуся как Сирко Андрей Александрович, сорока восьми лет от рождения.

«Сирко, значит, - подумал Дробышев, пока ещё с трудом принимавший уместность своего присутствия на допросе. – Какая знаменитая запорожская фамилия! Но тот Иван Сирко, державший в страхе крымских татар и ногайцев, и сочинявший письмо султану турецкому, звался у врагов урус-шайтаном, то есть русским дьяволом. И служил Руси-матушке, не признавая никакого отдельного малороссийского народа и отдельной от Москвы церкви. А этот Сирко – полная противоположность мифического героя – служит врагам России, пошёл войной на братьев своих и против веры предков, ещё и кичится своей каиновой подлостью. Где же в твоей сальной броне слабое место? Хотя и учили тебя подлецы-англичане, но не может быть, что нет пробоин в твоей звериной шкуре».

Дробышев, слушая глухой голос Сирко и рыхля взором плоть, всё сильнее и сильнее проникал в его сущность, мысленно расщепляя его на атомы, а атомы в свою очередь на электроны, протоны и нейтроны, которые делил на кварки и ещё более мелкие частицы до самых неподвластных рассмотрению и измерению вибраций. Пока командир разведчиков задавал стандартные вопросы, Дробышев выстраивал отношения с этими энергетическими волнами Сирко, погружаясь в его бессознательное, и сделал первый важный вывод для себя: «Он боится, причём очень боится». Потом он этот безумный страх уловил в беглом соприкосновении с помутнёнными зрачками допрашиваемого.

Это был даже не взгляд, а лёгкое касание, но и его было достаточно, чтобы Александр мог прочесть ужас, расшатывавший изнутри всё дряблое тело Сирко. В какой-то момент Дробышев ощутил, что украинский командир переключил своё внимание с сердитого Леонида на него, предположив, что внутреннее состояние разума дошло до той точки, когда требуется чья-то защита и сострадание, и, возможно, что «доброго следователя» допрашиваемый узрел в Дробышеве.

«Это уже лучше, будем выстраивать доверительный союз, - подумал Александр, не отрывая своего острого взгляда от глаз Сирко. – Даже у каждого бесстрашного героя возникают мгновения паники. Возможно, что его обмороки именно с этим и связаны. Желательно не допустить, чтобы он внутренне закрылся или вообще отключился».

Когда командир перешёл к вопросам об отношении со стороны местного населения к подведомственным Сирко подразделениям, тот попросил воды. Его руки неистово трусились, ноги тянули судороги. Дробышева осенило, что это наиболее удачный момент для вступления в контакт с допрашиваемым. Быстро черкнув на листке бумаги несколько слов, Александр, протянул запись командиру разведчиков и замер. На листке было написано: «Прошу оставить нас вдвоём».

«Невозможно. Запрещено», - написал в ответ командир.

«Так надо!», - черкнул ниже Дробышев.

Командир по очереди косо глянул на Кирьянова и скучающего в углу парня с автоматом, в задумчивости крепко сжал скулы. На его лице отчётливо отобразилось неудовлетворение от того, что допрос пошёл не по заранее планируемому сценарию. Но с другой стороны у Дробышева был аргумент на такой экспромт, причём утверждённый самим же командиром – «отне-

сись с пониманием и полнейшей серьёзностью». И именно понимание и серьёзность ситуации подсказывали Дробышеву правильность дальнейших действий.

- Попрошу выйти за мной, - неожиданно быстро приказал командир разведчиков – он сам и двое понимающе кивнувших «лишних» последовали в коридор, оставив за собой слегка приоткрытую дверь.

- Они хотят вас обнулить, Андрей Александрович. И тому есть серьёзные причины - многочисленные жертвы среди гражданских по вине ваших подчинённых, – входя в свою роль, очень тихо и монотонно произнёс Дробышев. В ответ было молчание, но рассеянный взгляд пленного украинского офицера выражал то ли мольбу, то ли полное смирение со своей печальной участью. Примерно таким и должен быть взгляд для фокусировки. – Вы меня хорошо слышите?

- Да, слышу, - так же почти беззвучно ответил тяжело дышащий допрашиваемый.

- Не переживайте. Я здесь для того, чтобы этого не допустить. Вы ведь хотите жить?

- Хочу.

- Дышите спокойно. Вы много пережили и переживаете сейчас. Сделайте вдох, затем выдох. Вам станет легче. Вы понимаете меня?

- Да, я дышу.

- Глубже и реже...

- Да, я понял.

- Ваши дети и жена, наверное, тоже хотят увидеть вас живым? Вы их любите?

- Очень.

- У вас есть сын? Как его зовут?

- Сашко.

- Саша. И отец у вас Саша. И я тоже Саша. Вы хотите жить. Ваши дети и родители хотят жить с вами в будущем, и я хочу, чтобы вернулись к ним живым. У нас с вами так много общего. Вы это осознаёте?

- Осознаю.

- Вы верите, что я хочу вам только добра?

- Не знаю...

- Вы верите или нет?

- Хочется верить... Но я не знаю, кто вы...

- Вы помните, как хорошо мы жили до войны?

- Помню.

- И я помню. Все были живы. Мы с вами одной крови, одного корня. Одни праздники праздновали. Откиньтесь назад, на стену. Сюда никто не войдёт. А вы выйдете отсюда целым и невредимым. Вы выйдете отсюда, я обещаю вам, Саша. Я клянусь вам. Вы читаете молитвы?

- Иногда... Вы священник?

- Немного... Вас били?

- Да...

- Вас больше не будут бить. Вы пойдёте в церковь и почитаете молитву за здоровье ваших детей и родителей. Вы будете здоровым и счастливым человеком. Как в вашем детстве. Вы помните своё детство?

- Да, многое помню.

- Давайте с вами закроем глаза и вместе вспомним детство?

- Зачем?

- Я хочу узнать о ваших молодых годах. Какой вы были человек до войны. Вы ведь очень добрый и часто вспоминаете своё счастливое детство. Закройте глаза... Закройте... Детство... Беззаботное, лучистое, как солнце, струящееся, как родник, текущее, как весенний ручей... Что вы помните? Куда отец вас возил на каникулы?

Сирко медленно закрыл глаза, не дождавшись сделанного Дробышевым щелчка пальцами. Грузное тело тяжело откинулось на облупленную стену полуподвала, дыхание было медленным и глубоким. Сирко снилось, как он со своим ещё молодым отцом, ехал в автобусе куда-то очень далеко. Сколько отцу лет? Наверное, около тридцати – взгляд беззаботный, улыбка сияющая, плечи широкие. Рядом - много незнакомых детей и их родители. За окнами, как кадры цветной киноленты, мелькали сначала высокие леса, потом ровные зелёные поля, сменявшиеся рельефной местностью, над которой возвышались терриконы. Андрей впервые в своей жизни увидел эти величественные насыпи, чем-то напоминавшие египетские пирамиды из школьного учебника истории.

- Отец возил меня в лагерь. Я видел терриконы. Это Донбасс... - прошептал Сирко.

- В какой лагерь? Где он находится? Как называется, что написано на въезде? - монотонно попросил уточнение Дробышев.

- Сейчас, сейчас, не вижу... - Сирко шаркнул ногами, будто попытался сделать несколько шагов. – Вот, вижу, «Лесная сказка» называется. Высокие дубы, елочки молодые на огромной площади перед пионерской комнатой. Сейчас будет объявление по лагерю на ужин... Сей-

час... Сейчас... Вот, слышите? Это Света говорит, она наша пионерская вожатая. Самая красивая девушка во всём лагере. Она хоть и на несколько лет старше, но потом долго мне по ночам снилась. Я ей цветы в лесу собирал и тайком в баночку на подоконник её комнаты вставлял. А потом издали наблюдал, как она, глядя на них, улыбалась.

- Вы один раз были в этом лагере, где работала Света? Или часто ездили?

- Да, только один раз. Нас туда в восемьдесят шестом году эвакуировали, когда авария на Чернобыльской станции случилась. А потом я просил отца, чтобы ещё раз отправил в этот лагерь, к Свете, но он не смог достать путёвки. Это был какой-то шахтёрский лагерь. И Света была дочкой шахтёра. Она нам об этом с такой гордостью говорила. А мне смешно было – подумаешь, шахтёр, нашла, кем гордиться. Она показывала мне своего отца, он всё лето работал ночным сторожем в «Лесной сказке», его от шахты туда посылали. Раньше так на советских предприятиях практиковалось.

- Вы дружили со Светой?

- Я приходил в пионерскую комнату. Она учила меня играть на барабанах, рисовать стенгазету, рассказывала, как работает радиоузел лагеря. Ещё игры организовывала, переписки между отрядами, соревнования по скорости заучивания стихов и мелодий, а ещё она проводила дискотеки. Представляете, танцплощадка, на которой собиралось по полтысячи детей? Это было великолепное время, целые четыре недели, залитые до краёв счастьем и впечатлениями. Только... - Сирко внезапно осёкся, его лицо искривила гримаса неприятия.

- Что только? – встревожился Дробышев, но тут же исправился, обратно запев монотонную успокаивающую мелодию. - Андрей, вы сказали «только»... Вы вспомнили неприятный момент? Расскажите о нём.

- ...Только с одной стороны это было чудесное время. А с другой - мне не нравился директор лагеря, - продолжил Сирко. - Его звали некрасивым именем Кузьма, а отчество Иванович. Он... Он...

- Вы сказали Кузьма Иванович. Он был плохим директором, слишком строгим?

- Я ему почему-то очень не понравился. Когда отец привёл меня в его кабинет подписать какие-то бумаги, директор сказал: «Вы знаете, кого вы привезли?». Отец, ничего не понимая, ответил: «Как кого? Сына». «Не-е-ет, - важно просопел Кузьма Иванович. – Это для вас он сын, а для меня – человек, который... который... - директор долго перебирал шёпотом нужные для окончания его фразы слова, а потом громогласно выпалил: - испортит мне жизнь!». Я этот момент хорошо запомнил. Отец пожал плечами и сказал мне, что Кузьма Иванович шутит, он, наверное, так всем говорит, чтобы вели себя хорошо. И я старался не подвести отца, хотел понравиться Кузьме Ивановичу. Вот только...

- Да, вы старались не подвести отца, но директор что? Что он делал?

- По-моему, им двигала какая-то ненависть ко мне, причины которой я не понимал. Каждый раз, когда мы где-то пересекались в лагере, он останавливал меня за плечо, подолгу пристально смотрел в глаза и спрашивал: «Ну, что, не передумал убивать?». «Кого?»,- спрашивал я. «Меня», - отвечал он очень серьёзно, сдвигая брови и сжимая скулы. Но я никого не соби-

рался убивать. Мне было страшно. Я стал бояться Кузьмы Ивановича, вздрагивал от одного упоминания его имени, избегал встреч с ним...

- Андрей, вы до сих пор боитесь Кузьмы Ивановича?

- Да. Мне бы не хотелось с ним встретиться вновь. Даже сейчас. Когда заканчивалось лето восемьдесят шестого года, директор по радиосвязи вызвал к себе несколько мальчиков из нашего отряда. Не помню, что произошло: то ли мелкая потасовка, то ли кража какой-то вещи, а, может, и одно, и другое вместе. Мальчишки решили, что директор устроит всем допрос. Но просчитались. Кузьма Иванович посадил нас напротив и спросил: «Кто ещё, кроме Сирко, жаждет моей смерти? Признавайтесь!». Мальчишки молчали, а я в этот момент почувствовал адскую боль в груди, как будто в меня вонзились сотни стрел. Я пытался вымолвить, что не собираюсь никого убивать, я обычный советский школьник, а у директора - какая-то необъяснимая странная одержимость в отношении меня. В этот момент Кузьма Иванович резко встал, подошёл ко мне и в присутствии всех ребят со злостью сказал: «Сирко, может, ты сразу сдохнешь, и избавишь и меня, и всех остальных от своих кровавых намерений?». Мне кажется, что он ещё шёпотом мне на ухо добавил: «Я сам тебя кончу, чтобы не случилось худшего». Мне непонятно, что двигало директором в те дни, какая сила овладела его телом и разумом. Не находили этому объяснения и мои друзья. Вы представляете, какой внутренний ужас я переживал до самого конца лета, пока, наконец, за мной не приехал папа. У меня потом были тяжёлые воспоминания о лагере «Лесная сказка», хотя я уже говорил об этом, мне несколько лет хотелось ещё раз в нём побывать, чтобы, возможно, снова увидеть Свету...

- Попытайтесь вспомнить, Кузьма Иванович в то лето вам больше не угрожал смертью?

- Он и сейчас стоит передо мной: белолицый, волосы чёрные, взгляд острый - как у горца. Вот он - идет ко мне, а я пыхчу назад, шупаю руками стену, хочу найти выход... Его глаза налились кровью, он тоже лихорадочно шарит рукой, пытаюсь схватить ею что-то тяжёлое. Я убегаю, а он двигается за мной, незаметно ускоряя шаг. Куда мне бежать? В лагере много разных потайных мест, но, кажется, директор знает их все. Он здесь работает много лет, излазил все подвалы, хозпостройки, бани, туалеты и чердаки деревянных корпусов. В лес! Надо бежать в лес! Он убьёт меня! Я умру!...- мясистое тело Сирко пошатнулось на стуле.

Дробышев импульсивно вздрогнул и вскочил с деревянной табуретки. В его не самой большой гипнотической практике – в школе, в университете, на рабочем месте психолога - были странные случаи, которым он не мог дать объяснения, но погони с угрозой смерти пациента в состоянии транса ещё не случалось. Александр сам погрузился в лёгкое оцепенение, явственно осознавая, что задание разведчиков он, по сути, провалил. Точнее первая его часть – введение пленного в состояние управляемого гипнотического сна получилась, а дальше – всё разрушилось, вышло из-под контроля, и сеанс необходимо прерывать.

- Что тут у вас происходит!? – рявкнул без предупреждения спускающийся сверху Кирьянов. - Кто тут умирать собрался? Свою смерть мы тебе позволить не можем! Ты ещё помучится должен, прежде, чем мы тебя сами отправим в ад.

- Подождите! Стоп! – запротестовал Дробышев, всё ещё надеясь вернуть ситуацию в исходную точку, если не для продолжения сеанса со свалившимся с табуретки Сирко, то хотя бы ради сохранения едва блеснувшей искры доверительности с его стороны. Ведь можно было сделать перерыв и продолжить.

Следом за Кирьяновым, гремя твёрдыми подошвами берцов, в полуподвал спустился вытянутый, как струна, командир.

- Саша, мы так не договаривались, - энергично сказал он с напряжением в голосе. – Чёрт знает, что у вас тут происходит, слушать противно и времени нет на это. Перед тобой на столе был оставлен список вопросов. Какая Света? Какой Кузьма Иванович? Бани, туалеты, чердаки...Твою мать! Он тебя разыгрывает, а ты ведёшься. Мы уже просто не выдержали, уж извини, – командир брезгливо сплюнул в угол помещения и приказал солдату с автоматом поднять с пола беззвучно лежащего пленного.

- Да он чё-то не поднимается, - испуганно воскликнул солдат.

- В смысле? – заволновался командир.

- В смысле, он вообще лежит трупом, - над телом Сирко в тот же момент склонилось четыре фигуры.

- И что с ним? – басом спросил Кирьянов.

- Я его пытался подвести к нужным вопросам, я должен был... - хотел было оправдаться не на шутку сдрейфивший Дробышев – смерть во время гипнотического сеанса – такого в его жизненных планах не было. Но никто не обратил внимание на растерянные объяснения Александра.

- Пульса нет, - кисло произнёс командир, подавив пальцами на шею застывшего в неподвижности Сирко.

- Давай доктора бегом, и ни слова о том, что видел. Просто вези доктора, скажи, плохо пленному стало, в обморок упал, - скомандовал солдату с автоматом Кирьянов.

- Может, не надо было этих экспериментов? – озадаченно пробурчал командир.

- По ходу, не надо было... Допросили, бляха-муха... - недовольно вздохнул покосившийся на Дробышева Кирьянов. – Саш, а так бывает на гипнозе?

- Так даже дома на диване бывает, - не растерялся Александр. – Конечно, поторопились вы войти. Чёрт его знает, что там перемкнуло в его голове. Может, кровоизлияние, может, мотор отключился, мы же его анамнез не изучали... Не знаю...

- А ты тоже хорош, - грузно присев за стол, перешёл в моральное наступление Леонид. – На фига было его шугать, что мы его того... в расход хотим?

- Доверие вызвать хотел...

- Получилось?

- Почти.

- Ага... почти..., - почти прошептал командир. В помещении наступила гнетущая тишина. Кирьянов не мог оторвать взгляд от остывающего тела Сирко, Дробышев сел на табуретку, поставив локти на колени и закрыв лицо руками. В нелепом молчании время прошагало около минуты. – Ну, чего скисли-то?

- Да кто его знает... - опомнившись, вздрогнул Дробышев. - Вроде, как и человек был когда-то неплохой....

- Вот именно, что когда-то, и именно, что был. И Гитлер картины рисовал, ага. Но нам жалобные песни петь и сентиментальничать некогда, одним нацистом меньше стало. Это война, ребята... - сокровенным баском резюмировал командир. - Давай так, Саша, никакого сеанса здесь не было. Доктора привезут, скажем, что крякнул во время допроса. В принципе, так оно и было, с небольшим лирическим отступлением.

- Согласен, - кивнул Кирьянов. – Зря только Саню побеспокоили, загорал бы сейчас в больничке, спокойно книжки читал, медсестричек в прозрачных халатиках кадрил.

- Да ладно, - впервые за весь день усмехнулся Дробышев.

- Девушка есть? Ждёт? – Кирьянов сделал акцент на последнем слове.

- Старики ждут...- ответил Дробышев, в этот момент представив лица своих родителей, которые, судя по последним присылаемым фотографиям, нещадно постарели .

- Сань, а что он там про какой-то лагерь лепетал, про Кузьму Ивановича, про убийство, угрозы какие-то? Бред это был что ли? – развеял внезапно нахлынувшие мысли командир, не особо знакомый с тематикой гипнотизма и всего с ним связанного - потустороннего.

- Не сказал бы...

- О, как! Любопытно, аж проверить захотелось. Кирьянов, - поднял голову командир. – У нас же этот, Петрович – местный? А ну, позови его.

Кирьянов привычно крутнул ус, молодецки поднялся по лестнице, с длинным эхом прошагал по пустому коридору и через пять минут вернулся в сопровождении пожилого мужчины в форме без опознавательных знаков.

- Это наш Сусанин, - шутливо представил незнакомца командир. - У Валентина Катаева был сын полка, а у нас, в общем, дед полка - Петрович. А скажи, Петрович, какие здесь у вас пионерские лагеря при Союзе были? Ну, в вашей области.

- Да разве я по области все знать могу? – недовольно, словно делая одолжение, с хрипотцой, но колоритно проговорил Петрович.

- А этот лагерь, как его, Сань?...

-«Лесная сказка», - уточнил Дробышев.

- «Сказка?», - переспросил Петрович, присев рядом с трупом Сирко. – Так это та, куда «вагнера» в прошлом году занырявали, а потом съехали, не понравилось им там что-то. Тут она, «Лесная сказка», недалеко, километров двадцать, если по трассе на север.

- Целая?

- Да какая ж целая? В том году и выгорела до кирпичей. Вот, эти поросята, - Петрович кивнул в сторону неподвижного Сирко, - её градами и сожгли. А что там в той «Сказке»?

- Да ничего особенного, выходит всё правильно бредил этот Сирко, по делу, - пожал массивными плечами командир. – Человек там один работал директором, в советские времена, Кузьма Иванович. Не знал?

- Кузьму? А чего ж не знал? – довольно воскликнул Петрович. – Бывало, выпивали с ним, когда он на пенсии с директора школы в круглогодичного лагерного сторожа переквалифицировался. Там ведь за «Лесной сказкой» ещё два приличных пруда значились, так туда местные рыбачки изредка заглядывали, и с позволения Кузьмы Ивановича под его присмотром карасиков на уху таскали. Ну, и я порыбачить наведывался. Кузьма в «Лесной сказке» до самого её конца и работал. Мужики рассказывали, что и сгорел вместе с лагерем...

- Да ты что? – сурово сдвинул брови командир.

- Ага, вроде, так было дело, мужики говорят, тушить пытался, у тут новый прилёт... И всё... - неловко поджал небритые губы Петрович.

- Тушить? Это когда самому спастись надо было... Вот же люди донбасские ненормальные, как бессмертные ...

- Так Кузьма Иванович всю жизнь в этом лагере. Он сам так рассказывал. Лагерь изначально был маленький-маленький, два корпуса всего. А как Чернобыль бахнул, так его срочно расширили, достроив несколько двухэтажных деревянных избушек – специально для детей из зоны радиации. Кузьма Иванович лично рулил стройкой. Так что лагерь для него – родное детище.

- Это что же получается, Сань, - задумчиво повернулся к Дробышеву командир. - Выходит, Кузьму Ивановича подопечные Сирко и порешили?

- Выходит так, - согласился Александр, вспоминая слова Сирко. – И вот, что любопытно: Кузьма Иванович-то не зря прессовал в детстве этого бугая. Мистика просто: «Сирко, может, ты сразу сдохнешь, и избавишь и меня, и всех остальных от своих кровавых намерений?», «Я сам тебя кончу, чтобы не случилось худшего» - так ведь Сирко во сне слова Кузьмы Ивановича передал? Это какое худшее имелось в виду? Уж не провидцем ли был этот Кузьма Иванович, почти сорок лет назад своего будущего убийцу в ребёнке распознав?

- Ага, - перебил Дробышева Петрович. – Мужики поговаривали, что он, как выпивал, всё про грядущую войну рассказывал. Ясно дело, все думали, что по пьяной лавочке можно и не таких страшилок наговорить. До смеха доходило. А оно вон как вышло... Видать, и правда что-то чуял...

- Слушайте, вот, что я подумал, - поднявшись из-за стола, до неестественности сосредоточенно сказал командир. – Кузьма Иванович строил лагерь для детей из чернобыльской зоны. Местные шахтёры, рабочие люди принимали их, кормили, поили, воспитывали, дарили безопасность, радость и жизнь. А сколько шахтёров и работяг здоровье своё положили там, на ликвидации аварии... А потом эти же дети, когда выросли, сначала наплевали на могилы своих дедов, а потом ещё взяли в руки оружие и пришли убивать своих спасителей. Что-то дьявольско-безбожное с народом случилось, а что – не пойму. Гипноз поголовный. Что же это за война-то такая?

- Несправедливая? – переспросил Дробышев. – А разве войны бывают справедливыми? Сколько книжек про всякие войны прочитал - ни одной такой не знаю...

- Это точно... - с грустью согласился командир, в печальной задумчивости потирая седой висок. – Вот и Сирко тоже познал бесчестие и бессмысленность войны. Хотя успел ли? Но мы уже об этом никогда не узнаем, разве только на том свете встретимся и спросим. Ну, что, Саша, финита ля комедия. Сеанс закончен. Факир был пьян, и фокус не удался. Чего мы тут труп охраняем, пошли наверх. Ты, Сань, с нами поужинаешь или в путь-дорожку?

- А чего ж не поужинать со своими? В больницу я и завтра успею, - быстро сообразил Дробышев, мысленно уже давно приняв решение заночевать у разведчиков.

- Я так и думал, что останешься, - командир дружески похлопал Дробышева по плечу. – Но имей в виду, у нас сухой закон.

- И это правильно, - удовлетворённо кивнув, продолжил мысль Дробышев.

Поднялись наверх. Заслоняя клонящееся к закату солнце, на небе пенились хмурые облака. Едва осязаемый ветерок приятно щекотал щёки, осушая капельки пота на лице Дробышева. За какой-то один день совершенно неизвестные ему ранее люди гипнотически стали близкими настолько, что не хотелось с ними расставаться. И искренне подмывало продолжить разговор о прошлом и настоящем, о справедливости и о людях, и, конечно, о Сирко. Только не о том великом казаке, который безжалостно бил врагов Руси на южных её окраинах, и не о внезапно покинувшем бранный мир военнопленном Андрее Александровиче, а о коллективном Сирко - который явился в край степей и терриконов в чудовищном образе нацистского завоевателя, отправленного в преисподнюю почти восемьдесят лет назад.

Жребий

Кто в восьмидесятые интересовался ждановским футболом, конечно, могут помнить Колю Халдая, который замечательно бегал за местный «Портовик» и даже иногда забивал голы в ворота не самых легких соперников. Вместе с ним топтался по траве и Гена Роцин, но толку от него было мало. Просто с Колей они учились в одном классе, мотались на сеансы в кинотеатр «Буревестник», по-мушкетёрски кричали «один за всех и все за одного» и влюблялись в одних и тех же девчонок Приморского района.

Сегодня Коли не стало. Гене в Донецк позвонил бывший вратарь их футбольного коллектива Юра Боков и сообщил, что хоронить Халдая на Старокрымском кладбище будут завтра. Наверное, в таких случаях надо морщить лицо, всё-таки из этой брэнной жизни ушёл не самый последний человек, но у Гены было прямо противоположное настроение – перевозбуждённое и приподнятое, как будто он собрался не на похороны, а на свадьбу. Причём на свою.

«Что купить в поездку? Сколько денег с собой брать? Кому доверить кога, если придётся задержаться? Что надеть на кладбище? Заказать венок или вообще не стоит?», - вопросы роем жужжали в слегка поседевшей и поредевшей голове. И если бы у Гены была жена, то он бы не слишком перенапрягал извилины по несложным житейским вопросам. Но, бросив на прощание фразу «мы не подходим друг другу», жена с дочерью ушли из ещё неустроенного дома молодого коммерсанта тогда, когда в Донецке гудели криминальные девяностые. После этого Гена много раз обещал себе жениться снова, но годы летели, а подарить свою фамилию другой женщине Роцину не хватало то времени, то желания, а то и подходящей кандидатуры.

*

Нет, конечно, Гена не радовался смерти Коли, он очень любил своего футбольного и школьного друга, переживал и, в общем-то, знал, что Халдай скоро умрёт. Они даже считались по жизни кумовьями, хотя Колиного сына до церкви так и не донесли. В тот назначенный для крещения день помешала сытная дегустация настоянных Колей домашних вин. А после этого конфуза окрестить малыша не дала загруженность Гены по своим вполне успешным коммерческим вопросам.

У Коли дела тоже шли неплохо. Быстрое продвижение по карьерной лестнице на металлургическом комбинате, высокие заработки, приличный дом в старом центре города. Но потом, в четырнадцатом, началась война. Когда бомбили Донецк, пересидеть лихолетье Коля пригласил Гену к себе, и тот принял предложение, целый месяц прогостив у друга юности и его прекрасной жены Афины. Через время между Мариуполем и Донецком прошла граница с блок-постами, она же линия соприкосновения или, проще говоря, - фронт. И так восемь долгих лет общения только в социальных сетях, которые нещадно выкорчёвывались киевскими спецслужбами.

В феврале двадцать второго года бои начались на улицах Мариуполя, и уже Гена любезно пригласил друга в Донецк. Но украинские националисты не выпустили Колю с Афиной из города, а в марте и вовсе оборвалась всякая связь. Гена не находил себе места, звонил во все колокола, поднимал связи, пока, наконец, в мае питерские волонтеры не сообщили ему, что семья Халдая выжила, но осталась без крова. Единственный сын поругался с родителями и уехал через украинскую сторону куда-то в Финляндию или Норвегию. Из-за этой ссоры Колю парализовало, и, проживая в чужой квартире, Афина теперь ухаживает за прикованным к постели супругом.

*

Разыскав в полуразрушенном испепелённом Мариуполе своих друзей, Гена долго уговаривал Афину перебраться к нему в донецкий дом и перевезти недвижимого друга. Приводил

аргументы правильности этого шага, показывал в смартфоне номера знакомых неврологов, тряс кошельком, демонстрируя готовность вложиться в лечение. Но Афина была непреклонна:

- Спасибо, Генчик, мы как-нибудь потихоньку сами, - и поцеловала Рощина.

Боже, как Гена ждал этого поцелуя! Значит, она всё ещё любит его. Пусть чуть-чуть, пусть не так, как тогда, в юности, пусть это даже был дружеский поцелуй, но от него по телу пошло такое тепло, какого Гена не испытывал всю свою жизнь.

- Афин, а ты помнишь? – спросил Гена.

- Конечно, - поправляя рукой длинные русые волосы, скромно улыбнулась Афина.

Да, это была первая любовь в их жизни. Они встречались на Песчаном пляже, пили лимонад, целовались до потери сознания и мечтали о своём доме. Афина ходила на стадион и болела за своего парня так, что на трибунах глохли футбольные аксакалы. А когда Гену забрали в армию, она обещала его дожидаться. С Колей их призвали в один день. Только Гена попал на флот, а Коля служил во внутренних войсках, поэтому и вернулся в Жданов на год раньше друга. И встретив Афины, сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться. Как она потом объяснила это Гене, «просто была молодой дурой в метаниях», бросила жребий – монетку - выпала решка - Колина сторона. И решила не ждать.

Жалела ли она об этом поступке? Афина не откровенничала, лишь однажды, умывшись слезами, попросила, чтобы Гена сохранил дружбу и простил её. И Рошин простил, потому что продолжал любить Афины и хотел хоть иногда видеть её, слышать и дышать ароматами её духов и тела. Хотя поначалу, после возвращения со службы, был очень зол, и на нервах уехал в Донецк – учиться, работать, строить бизнес. Чуть позже начал размышлять, что если от него ушла жена, то точно так же может в какой-то миг поступить и Афина. И ждал этого момента.

Тогда, в ещё пахнущем дымом и печёным человеческим мясом Мариуполе он спросил её:

- А не хотела бы всё вернуть?

- Не задавай мне этот вопрос, Генчик, не делай мне больно. За ошибки молодости платим жизнями, а когда жизнь подходит к концу, уже и платить нечем.

*

Гена включил домашний компьютер, открыл переписку с Афиной. Ссылаясь на плохой интернет, а он в Мариуполе действительно был не ахти, она писала редко и в основном про Колю. Как он пытается говорить, как начал двигать пальцами на правой руке, как согнул ногу в колене. В конце декабря она одним абзацем поздравила Гену с наступающим новым годом, а вторым написала, что Коля, наверное, скоро умрёт. Рошин ничего не ответил, лишь послал грустный смайлик.

«На похороны приедешь?», - написала Афина, добавив в конце сердечко.

Чёрт побери, да это же явный намёк на будущие отношения! Однозначно, она любит его, нет в этом никаких сомнений. Нужно навести порядок в доме. Или не нужно? Пусть Афина сама это сделает по своему усмотрению и вкусу.

- Ну, что, мой хороший, вот и всё, начинаем с тобой новую жизнь - Гена довольно потрепал за мохнатое ушко своего кастрированного британского кота Боню. - Что скажешь, сколько мне букетов покупать? Один или два? В одном десять гвоздик, а в другом – тридцать роз. Стоп, тридцать – это же чётное число. Пятьдесят? Опять чётное. А сколько тогда? И уместно ли будет дарить цветы вдове? Чего молчишь, Бон? А что ты можешь сказать? Тебя женская тема уже давно не интересует.

*

Бывший вратарь Юра Боков жил в домах-сталинках где-то неподалёку от стадиона «Ильичёвец». Этот район не так сильно пострадал от войны. Здесь и встретились.

- Слушай, тебя немного в заблуждение ввели с этими похоронами, - сказал Боков сухо.

- В каком смысле? – насторожился Гена.

- Да уже закопали, наверное, Коляна, на час раньше сдвинулась церемония. Поехали сразу на кладбище, - махнул рукой Юра.

- Вон, оно как Блин Ну, поехали, только через центр. У вас здесь пару приличных букетов купить можно, а то я засуетился и не взял?

- Это можно. Как сам? – поинтересовался Юра, садясь в машину.

- Бывало и лучше, но грех Бога гневить, жив, и на том спасибо.

- Да-да, сейчас так.

Проскочили мимо залитого июньской зеленью Петровского парка, через Кировский массив. Остановившись у цветочного ларька, Гена мысленно отметил, что всё вокруг стало каким-то иным, заброшенным, выцветшим, опустевшим. Десять алых гвоздик на могилу Коли выбрал быстро, а с розами замялся.

- Девушка, скажите, сколько надо дарить роз зрелой женщине?

- А по какому поводу? День рождения или чего там? – переспросила продавщица.

- Так сразу и не скажешь. Ну, чтоб женщине было приятно.

- Не знаю, у меня всего осталось штук пятьдесят с небольшим. Сколько надо?

- Давайте все, чтоб только нечётное число было.

Ровно пятьдесят пять искусно упакованных роз аккуратно легли на заднее сидение.

- Хорошо живёшь, - заметил Юра. – Сейчас такой букет, наверное, целое состояние?

- Брось, - сморщился Гена. – Это для Афины. Ты же помнишь, какие у нас были с ней

отношения

- А, ну, да, для Афины- вздохнул Юра и замолчал.

Припарковав автомобиль около кладбища, Гена взял в руки оба букета, несмело покрутил их, посмотрел по сторонам, словно застеснявшись.

- Слышь, Юр, совет нужен, а то хоть жребий бросай.

- Чего?

- Как думаешь, уместно будет сейчас взять букет для Афины?

- А чего не уместно-то?

- Ну, как бы повод немного не тот.

- А какой ещё повод нужен?

- Ну, обстановка иная. Может, не комильфо на похоронах мужа цветы подавать вдове?

- Подожди, Ген, а ты ничего не знаешь что ли? – опешил Боков.

- А что я должен знать?

- Так умерла Афина месяц назад. Колька даже не хоронил её, он сам в коматозе находился. Да-а-а Чего вылупился? Умерла. Какую-то бациллу подхватила, пневмония, и сгорела в больнице. Если бы деньги лишние были, может, и спасли бы, какие-то пилюли, капельницы купили, но Похоронили Афину, Ген. Думал, ты в курсе. Чего ты? Что с тобой?

Гена побледнел, зашатался, и, протяжно охая, тяжело опустился на ссохшуюся приазовскую землю. Было много на его пути жизненных потерь, но ещё не было такой болезненной и уничтожающей.

- А что ж вы? Что ж вы не позвонили мне, не сказали, что деньги нужны? Что же вы? – провалились Генины плечи и заколыхались в скупом мужском рыдании.

Он развернул букет для Афины и, пересчитывая цветы, чтобы изъять лишнюю нечётную розу, заговорил сам с собой:

- А что же ты? Ты-то что, Рошин? С нового года мог хотя бы раз приехать к Афине и узнать, как её дела, как Колька... Мог ведь! Мог! Денег тебе было мало? Времени у тебя не хватало? Всего у тебя хватало, Рошин! Да ты ведь ждал этого момента, ждал, а не надо было ждать. Не надо было!

Забывтое письмо

1

За почти тридцать четыре года с момента появления Егора Хохлачёва на свет, мама ни разу ему не рассказывала о его биологическом отце, который бросил её на четвёртом месяце беременности, предпочтя семейной жизни карьеру музыканта. Собственно и в Москву-то отец Егора – Геннадий - приехал из Мариуполя в предпоследний год существования Советского Союза лишь затем, чтобы получить свой шанс, как он сам говорил, выиграть лотерейный билет.

Ночевал под зданием столичной филармонии, обходил рестораны, кафе и студии, и везде предлагал кассеты с магнитозаписями своих альтернативных гитарных творений. А потом встретил её, Наталью, такую же искательницу лучшей жизни - провинциалку из глухого донского хутора. И, возможно, не обратил бы на неё пристального внимания, если бы на мимолётной встрече в «Лужниках» она не представилась землячкой мамы. Мама у Геннадия – тоже донская, как оказалось, из соседнего с Натальей, обезлюдевшего ещё в семидесятые годы хутора, в своё время выбралась по замужеству в Мариуполь, где на всю жизнь так и получила прозвище - Казачка. И именно елe заметные, но характерные казачьи черты и пронзительный говорок, свойственные большинству донских женщин, и пленили одинокую душу Геннадия. Недаром говорят, что мужчина ищет спутницу жизни, похожую на мать.

Но заряда любовной батарейки хватило ненадолго. Даже не попрощавшись с Натальей, вскоре отправился Геннадий покорять большую сцену в славный город Ленинград, где получил долгожданную работу в каком-то популярном коллективе старейшей в стране филармонии. Но, как иногда случается в жизни, пришёлся не ко двору, лотерея оказалась проигрышной, а второго шанса восхождения на музыкальный олимп судьба Геннадию не предоставила. Так поездом прямого сообщения он и вернулся в Мариуполь, точнее даже не в сам город, а на его далёкую окраину – рабочий посёлок Каменск, что растянулся между автомобильной трассой, ведущей на Донецк, и берегом речушки под названием Кальчик.

О существовании своего настоящего отца Егор Хохлачёв узнал случайно. Перечитывая после безвременной кончины мамы её документы, открытки и письма, он наткнулся на слегка пожелтевший вырванный из тетради листок. Это оказалось неотправленное мамой письмо, где она сообщала «своему любимому Гене» о том, что «у него в Москве есть сын», и что «она очень сожалеет, что всё так нелепо произошло». Что именно произошло, в письме не пояснялось. Из всего прочитанного Егору стало понятно только то, что он вовсе не Хохлачёв и совсем не Владимирович. Эти фамилию и отчество мама внесла в метрику Егора сама, будучи в девичестве Хохлачёвой и всю короткую жизнь проносившая отчество Владимировна.

Пояснения по поводу своей перекрученной родословной и скудную историю о биологическом отце Егор услышал от родной маминой сестры – тёти Лены, здравствующей со своей семьёй в Урюпинске, куда московские Хохлачёвы частенько навещались в гости. Не смог удержаться Егор от того, чтобы не приехать к тёте Лене с маминым письмом, и не задать прямой вопрос:

- Зачем от меня отца скрывали?

Сконфуженная тётя Лена полдня приходила в себя, соображая, как бы тактичнее рассказать племяншу историю несчастной любви своей сестрички, а вечером, за общим столом, где собрались двоюродные сёстры Егора, тихо, словно оправдываясь, объявила:

- Да, Егорушка, есть за твоей мамкой вина. Властная она была натура, ты ж её хорошо знал. Мы ж все, Хохлачёвы, такие – со стержнем. Хотела она Генку в бараний рог – да под каблук. «Или я, - говорит, - или музыка твоя!». Думала и хотела же как лучше, чтоб остепенился мужик, отбросил свои мечталки дурные, на нормальную работу пошёл, деньги чтоб зарабатывал для семьи. А он в позу стал: «Или принимаешь такого, как есть, или попка о попку – и

врозь!». Ну, мамка твоя и взъерепенилась, молодая была, мозги совсем жидкие, как кисель сливовый. И подсказать некому – сама-самёхонька в той столице огромной. Насмотрелась глупенькая «Москвы слезам не верит» про лимиту гонористую, и махнула рукой: «А не нужны мне эти мужики проклятые!». Сама рыдала ночами, на вокзал бегала – в Мариуполь собиралась ехать, всё Генке письма сочиняла. Да ни одного так и не отправила. Гордыня пересилила, свыклась понемногу, а потом Сашка, отчим твой, на горизонте нарисовался...

- Как нарисовался, так и стёрся, - недобро хмыкнул Егор, потирая широкой ладонью потный лоб.

- Твоя правда, - согласилась тётя Лена.

- А фамилия-то у отца какая? – раздражённо спросил Егор.

- Да почём я знаю, фамилию енту его? Прицепился, как банный лист! – запричитала тётка. – Я того Генку один раз в жизни и видела, когда от родителей продукты для мамки твоей возила. Ну, посидели тогда втроём, чайку попили, а вечером того же дня я обратно и укатила. Красивый такой парень был, чернявый, длинноволосый. Я патлатых вообще не люблю, но Генке причёска такая шла. Тебе парик нацепить – почти одно лицо у вас. И на гитаре он играл хорошо, песни пел популярные, и свои тоже пел. Что я ещё могу сказать?

- А где он в том Мариуполе хоть примерно жил? – не унимался Егор.

- А зачем тебе? С ума что ли сошёл? – топнула ногой разволновавшаяся тётка. – Может, у человека семья, он про тебя и знать не знал. А тут в Москве сынок выискался.

- А, может, знал!..

- Ещё лучше. Если знал, и никак не отреагировал, значит, сто лет ты ему был нужен. Жизнь идёт своим чередом – у каждого своя. Зачем человека беспокоить? Тем более уже немолодого человека. Это сколько ему лет сейчас? Под шестьдесят, наверное...

- Вот и выяснить бы – знал или не знал. А если знал, то почему так поступил со мной?

- Ты как ребёнок, Егорушка. Уже у самого сыну восемь лет, а рассуждаешь детскими мыслишками... Кстати, как там Никита Егорыч наш Хохлачёв?

- Не знаю, тётя, Лен. Вероника как с катушек сорвалась - козни строит, сына вижу редко, даже очень редко.

- Что, никак у вас с Никой не наладится?

- Да это уже никому не нужно, она с другим живёт. А я, тётя Лен, скажу, что после нашего развода на луну не выл, наоборот, как будто балласт какой-то с плеч сбросил. Легче стало мне без Ники. Но одиноко. Потому, наверно, и потянуло мамины бумаги перечитывать... А теперь вот про отца узнал... Сам не знаю – огорчаться или радоваться, внутри всё перевернулось. И увидеть предка своего тянет, но и претензий к нему накопилось за жизнь – тьма тьмушая.

- Эх, угораздило же Наташку это письмо сохранить. Она, наверное, сама за него забыла, - предположила тётя Лена,

- И хорошо, что сохранила, - легко ударив по краю стола кончиком ладони, сказал Егор. – Значит, есть Бог на свете, раз он мне правду раскрыл. Мне теперь из принципа хочется разыскать отца. Может, даже знаешь для чего? А чтобы Никитке своему человеческий пример показать. А то тоже вырастет безотцовщиной, и не вспомнит меня никогда.

- А-а, вон, ты о чём, - усмехнулась тётя Лена. – Ну, не знаю... Всё, что я слышала от него и Наташки, так это о каком-то Каменске, где Генка жил. На речке, вроде, плотина у них там какая-то. Это не в самом городе, а где-то в пригородах Мариуполя. Но когда это было-то... И как ты его искать собрался?

- А у нас, тётя Лен, в Мариуполе работа наметилась. Нашу фирму в подряд на восстановление энергообъектов взяли. Я записался добровольцем, ну, и засуетился, чтобы хоть какую-то информацию об отце собрать. Не густо, конечно, - печально вздохнул Егор. – Каменск, речка, плотина, гитара, Геннадий с чернявыми длинными волосами...

- Да он, поди, уж седой, - с серьёзным лицом заметила тётка.

- Может, уже и лысый, - обнажив строгий ряд белоснежных зубов, засмеялся Егор.

- Лишь бы живой, - охнула тётя Лена, в напряжении сдвинув брови. – Люди говорят, что там, в Мариуполе, очень много гражданских погибло в двадцать втором году. К нам в Урюпинск тоже беженцы приезжали... Бедные люди, такие страсть рассказывали...

2

Погостив у тётки чуть меньше недели, Егор вернулся в Москву. К этому времени руководство энергокомпании, в которой он трудился, уже заключило все необходимые договоры на проведение ремонтных и восстановительных работ на мариупольских объектах. Всем добровольно вызвавшимся работникам выписали командировки, а в назначенный день Егор прибыл к офису компании, где директор горячо напутствовал выстроенную колонну, состоящую из автомобилей спецтехники, гружёных материалами и оборудованием грузовых машин, пассажирских автобусов со специалистами и легковушек с начальством.

Прохладной апрельской погодой встретил печальный Мариуполь москвичей. Высвободившиеся после отбытия очередной смены выстуженные строительные вагончики смогли вместить лишь половину прибывших специалистов. Всем, кому не повезло, а среди них оказался и Егор, пообещали в течение дня подыскать какое-нибудь приемлемое жильё или временно поселить в палатках. Согласно давно устоявшейся русской традиции, организационные вопросы затянулись, а некоторые упёрлись в непреодолимые препятствия, предоставив большинству работников свободное время.

Не желая его разменивать по мелочам, Егор решил воспользоваться паузой и найти отца. Благо, прораб и лучший приятель Хохлачёва – Валерий Осокин - прибыл в южный город на личной «Тойоте», и без лишних вопросов согласился прокатиться с Егором на именуемую Каменском дальнюю мариупольскую окраину. Исходных данных об отце хоть было и немного, но всё же они давали большой шанс найти музыканта Геннадия, живущего где-то недалеко от Кальчика. Егор внимательно изучил карту местности. Когда ехали, ему порой даже казалось, что он уже был здесь и знает каждый поворот.

- Где причаливать-то будем? – спросил Валерий, бросая взор по сторонам.

- Мне кажется, что логичнее всего будет у школы, - предложил Егор. – Школа в малых населённых пунктах – это центр всех человеческих коммуникаций: дети, родители, бабушки, дедушки, учителя и выпускники – все, так или иначе, пересекаются по жизни и друг друга знают.

- Логично, - согласился Осокин.

Поселковая школа ярко сияла изумрудными переливами новых панелей. Здесь недавно был закончен ремонт. Огороженный забором Дом культуры напротив печально взирал пустыми окнами на Первомайскую улицу, напоминая о недавно прошедших ужасных боях. На уцелевшей детской качели читала потрёпанную книгу пожилая скромно одетая женщина.

- К вам можно обратиться? – выйдя из машины, спросил Егор. Интуиция и опыт подсказывали ему, что женщины в возрасте знают гораздо больше мужчин – они чаще бывают на рынках и в магазинах, общаются на скамейках у домов, на почте, в отделениях банков и административных учреждениях, на дачах и огородах, и в обязательном порядке знают не только всех людей посёлка, но и свежие сплетни о них.

- Конечно, можно, - приветливо подняла глаза женщина.

- Ищу в Каменске одного человека, возраст под шестьдесят лет, зовут Геннадием, живёт где-то в районе речки, дом с видом на плотину, вроде бы, - попытался объяснить Егор, осознавая, что со своей неуклюжей конкретикой выглядит в глазах местной жительницы немного нелепо. – А ещё он в молодости был музыкантом, гитаристом.

- Геннадий? Музыкант? С видом на плотину? – задумалась женщина. – По памяти так быстро и не вспомнишь... Это Лиза, почтальонка, может знать. Она здесь, считай, всех в лицо знает. Сейчас я ей позвоню.

Незнакомка долго искала в телефоне нужный номер, потом торопливо сделала вызов.

- Лизонька, это Тая с Первомайской... Узнала, да? Лизонька, ты ж в посёлке всех знаешь. Скажи, кто у нас Геннадий, мужчина лет шестидесяти, живёт, как я понимаю, на Плотинной. Есть там такой? Золотовский? Это тот, что с палочкой еле ходит? Точно! А у меня из головы дырявой и вылетело. Вот спасибо, Лизонька! – женщина с радостной улыбкой повернулась к Егору с Валерием. – Ребятки, езжайте вон в ту сторону, там свернёте вниз, улица Плотинная, она там одна вдоль речки тянется. Есть там такой, Геннадий Золотовский, отчество не скажу, больной такой мужчина, еле ходит. Но так просто его двор и не найдёшь - домов друг на друге нагородили, спросите у кого-нибудь, люди покажут.

Егор поблагодарил женщину, его сердце забилося учащённо - до отдающего во всех частях организма монотонного тяжёлого стука в висках. Столько дней он готовился к этой встрече с отцом, а теперь не может сообразить, что ему сказать. И говорить ли вообще? Будет ли это уместным – заявить уже немолодому и непонятно чем больному человеку: «Здравствуйте, я ваш сын!». А если у него жена, дети, которые понятия не имеют о любовных приключениях Геннадия Золотовского в молодости? Как бы ни попасть впросак. На этот случай у Егора был приготовлен один вполне годный шаблон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.